

АЛЕКСАНДР ЛОЗИНСКИЙ

НЕКОГО ЖАЛЕТЬ

Я не жалею

Александр Лозинский

Некого жалеть

«Автор»

2026

Лозинский А.

Некого жалеть / А. Лозинский — «Автор», 2026 — (Я не жалею)

Чего ты стоишь, когда твоё «я» превращается в разменную монету? После Завесы магия перестала быть чудом — она стала индустрией. Конвейером, где человек — ресурс, а чувства — топливо. Граница между живым и инструментом стирается быстрее, чем успеваешь это заметить. Майор Алексей Топорков, «Жнец», давно научился работать внутри этой системы: принимать правила, выполнять задачи, не жалеть. Но когда монополия на силу рушится, а на сцену выходят те, кто готов переписать саму природу человека, старые регламенты превращаются в пыль. В мире, где эмоции можно извлечь, переработать и поставить на поток, каждый выбор становится опаснее. И самое трудное — понять, где заканчивается приказ и начинается собственная совесть. Когда сострадание объявлено ошибкой, а пустота — нормой, остаётся лишь один вопрос: сможешь ли ты вспомнить, кем был до того, как надел броню?

© Лозинский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Некого жалеть

Пролог

Чего ты стоишь?

Не «сколько» — это вопрос для рынка, для тех, кто привык мерить людей в валютах и должностях. Если ты его примеришь на себя — ты уже нисколько не стоишь. «Чего» — другое. Чего стоит твоё слово. Чего стоит твоё молчание. Чего стоит решение, принятое в три часа ночи, когда никто не видит и не спросит — но ты будешь знать. Всегда.

Мир после Завесы научился считать иначе. Старые калькуляторы сломались — те, что складывали самолёты, танки, авианосцы. Новые ещё не изобрели. И в промежутке между «было» и «стало» те, кто привык считать, стали импровизировать.

Импровизация получалась скверной.

Америка на публику считала по-старому — в одиночках. Маг-супергерой, команда поддержки, флаги, улыбки, пресс-конференции. Детройт не научил. Новый Орлеан тоже. После Чикаго перестали считать вслух, но считать не перестали. По восточному побережью катилась волна стычек, в которых маги-ренегаты, выгрызали место в бандах, занимая место под солнцем. Как это было в восьмидесятые — только вместо автоматов магия, а на подавление входила не национальная гвардия, а другие маги.

Трагедии и побоища превращались в шоу. Рейтинги зашкаливали. Федеральное правительство молчало. Не из незнания — из неумения. Как признать, что твоя доктрина превосходства одного не работает, если вся культура построена на ней?

Вместо признания — экспорт. Кто не может решить проблему дома — продаёт её за рубеж.

Нули. «Пустые». Биохимические марионетки с обнулённой волей, спрессованные в пехотные отделения, управляемые кукловодами, которых сами американцы предпочитали называть «драйверами» — звучало технологичнее, чище. Just a business. Хорошо упакованный ужас. Их сдавали в аренду — не странам, скорее, людям. Политикам, которые понимали намёк. Генералам, которые знали цену лояльности. Бизнесменам, чьи имена не звучали в новостях, но чьи решения определяли, какие новости будут завтра.

Однажды двенадцать самых старших членов рода Эстерхази — «старые деньги», наследственная аристократия, семьсот лет европейской истории — поднялись на смотровую площадку фамильного замка в Айзенштадте. Полдень, ясная погода, прямой эфир на всех стриминговых площадках. Камеру держал молодой человек, представившийся документалистом, — спокойный, улыбчивый, с профессиональным стабилизатором.

Двенадцать выстрелов.

Одновременных. Из личного оружия, которое, как позже установила экспертиза, принадлежало каждому из них, хранилось в их домах, было зарегистрировано на их имена. Документалист продолжал снимать — ровно, без дрожи — ещё сорок секунд, пока не прибежала охрана. Потом выключил камеру, сел на парапет и стал ждать.

Когда его задержали, он улыбнулся и спросил: «А что я сделал?»

Формально — ничего. Снимал. Стримил. Не прикасался, не угрожал, не принуждал. Двенадцать человек по собственной воле подняли оружие и по собственной воле нажали на спуск. По собственной. Воле.

Кто-то рассмеялся бы. Кто-то заплакал.

Мир — проглотил. Потому что понимал: если специалисты по управлению сознанием дошли до такого уровня — значит, те, кто их создал, дошли до уровня, о котором лучше не думать вслух.

После Айзенштадта встречи мировых лидеров стали выглядеть иначе. Не все — но многие. За левым плечом президента, за правым — министра, на заднем плане пресс-конференции, в дверях кабинетов: люди. Обычные на первый взгляд. Спокойные, подтянутые, в неприметных костюмах. Рядом с каждым — пять-семь иных. С движениями, которые не складывались в цельную картину. Голова не поворачивалась вслед за шагом. Руки не качались в такт ходьбе. Как будто плёнку склеили из разных дублей.

Нули. На виду. Напоказ. Как щит — и как визитная карточка: мы знаем, чего стоит безопасность. А вы?

Сомневающимся показали. Пара магов-маргиналов на пресс-конференции генерального прокурора, объявлявшего о введении чрезвычайного положения в пригородах Балтимора, попыталась напасть на спикера.

Незримая команда фас, лица людей, потерявших свою «самость» и разорванные в кровавый фарш тела. Sapiēti sat.

Чего стоила аренда — никто из защищённых не сказал. Попытки журналистских расследований заканчивались банальными, но от этого не менее страшными смертями. Утонул в бассейне. Разбился на ровной чистой трассе, влетев под тяжелый трак. Застрелился в прямом эфире.

Иран ответил по-своему. Тихо, масштабно, с тем терпением, которое тысячелетние цивилизации путают с медлительностью, а молодые — принимают за слабость. Аятолла давно молчал — после демонстрации огня и круга из тринадцати в белых балахонах прошёл год, и за это время Тегеран не произнёс ни одного громкого слова. Зато сделал негромкое дело.

Персия возвращалась.

Не армиями — смыслами. Зороастрийское возрождение оказалось чем-то большим, чем религиозный ренессанс. Для суннитского мира, уставшего от жёсткости господствующей идеологии правящего дома и саудовской бескомпромиссности, огнепоклонники предложили альтернативу — не веру, а порядок. Древний, проверенный, с местом для каждого. Города Ирака и Сирии, ещё недавно делённые между группировками, обнаруживали поутру на центральной площади двенадцать и одного в белых одеждах, подпоясанных верёвкой.

Они стояли, молчали, смотрели на восход. И люди смотрели вместе с ними. Становились рядом. Никто никого не заставлял. Не ломал. Древнее оказывалось более современным. Более живым.

Объединённая Корея не стремилась во внешнюю политику — ей хватало проблем внутренней. Север и Юг сшивались медленно, болезненно, как сращивают кость, которую ломали дважды, с осколками. Но хирург был упорным. Торговля с Россией через Транссиб набирала обороты. Сотни тысяч корейских специалистов работали в Китае — восстанавливали то, что смыла вода из «Трёх ущелий». Дамбы, дороги, города. Методично, по-корейски, без жалоб и без благодарности.

Торговля между Китаем и США скатилась в ноль. Не формально — фактически. Европа заняла нишу — неуклюже, но заняла. Или ей было сделано предложение, от которого сложно отказаться. Пример Эстерхази показал, что если у тебя нет своей воли, то тебе будет навязана чужая. Вот и пошли контейнеровозы и танкеры в обе стороны, а европейские порты стали глобальными перевалочными центрами.

Япония, зажата между отступающей из Тихого океана Америкой и пробуждающимися соседями, впервые за семьдесят лет повернулась на запад — не к Вашингтону, а к Москве. Антиамериканские настроения, тлеющие десятилетиями, вспыхнули на фоне корейских событий: потеря двух АУГ на время отодвинула ствол пистолета от императорской семьи.

Россия — впервые за столько лет — не стала делать вид, что не замечает. Преференции на энергорынке. Возможность участвовать в китайском восстановлении. Стабильность поста-

вок, ставшая валютой надёжнее доллара, пока арабы косились на набирающую силу Персию и считали, сколько ещё осталось до того, как огнепоклонники постучат в ворота Мекки.

Мир перестраивался. Не по плану — по инерции. Как река, которую перегородили завалом: вода не останавливается, вода находит путь. Через щели, через новые русла, через то, что раньше было сухим берегом.

И на этом фоне — маги.

Не герои и не злодеи. Люди, которых мир не ждал и с которыми не знал, что делать. Регистрация. Идентификация. Нашивки — жёлтые, оранжевые, в зависимости от страны. В Германии — браслет. Во Франции — бейдж на виду и карта с чипом. В Штатах — ничего официального, но списки у каждого шерифа, от руки, с пометками карандашом на полях.

Списки.

Человечество всегда начинало со списков. И всегда удивлялось тому, чем списки заканчивались.

Демонстрации шли по обе стороны. В Берлине — маги выходили с плакатами «Мы не оружие». В Париже — обычные люди с плакатами «Нашим детям — безопасность». В Токио — молчаливые цепочки, без плакатов, только свечи. В Москве — ничего. Потому что в Москве маги были в системе, а с несистемными справились. Хорошо справились. За семнадцать минут.

Законы принимались быстрее, чем их успевали осмыслить. Отягчающее обстоятельство — применение магии при совершении преступления. Звучало логично. Как звучало логично запретить ношение оружия, как звучало логично требовать регистрации опасных пород собак. Только маг — не пистолет и не кане-корсо. Маг — это человек, который однажды утром обнаружил: он умеет делать то, что не умеет никто. И хорошо, не в кризисной ситуации. И что за это «умение» его теперь записывают в реестр, вешают нашивку и просят «поступить на службу» — голосом, в котором «просят» звучит лязгом стали, и альтернативы — нет.

Поступить на службу. Или.

Мир после Завесы полюбил это «или». Не говорил вслух — но звучало везде. В каждом законе, в каждом регламенте, в каждом «мы просто хотим знать, кто вы» — стояло это тихое, вежливое, улыбающееся «или».

И за каждым «или» — человек. Который решает. Который считает. Который спрашивает себя в три часа ночи: а чего я стою? Не сколько — чего?

Ответы были разными. Как всегда.

Одни молчали — и регистрировались. Надевали браслеты, носили карты, поступали на службу. Делали то, что просили, и не спрашивали, зачем. Не из трусости — из усталости. Из понимания, что против системы не попрёшь, а внутри системы — хотя бы тепло. Иногда.

Другие бежали. В леса, в горы, в гетто и фавелы. В те места, где реестры не дотягиваются. Создавали общины, секты, банды — в зависимости от того, кто оказывался лидером. Некоторые из этих общин были тихими и мирными. Некоторые — нет.

Третьи — служили. Не потому что заставили. Потому что нашли в этом смысл. Или потому что за ними стоял кто-то, кто говорил: «Береги их». И они берегли. По-своему. Как умели.

Чего стоит человек, который решил беречь?

Спросите тех, кого он бережёт. Они скажут — много. Спросите тех, от кого он бережёт. Они скажут — слишком много. Спросите его самого.

Он промолчит.

Потому что знает: ответ на этот вопрос нельзя произнести вслух. Его можно только прожить. День за днём, решение за решением, утро за утром — когда надеваешь ботинки, берёшь трость и идёшь. Хромая. Не оглядываясь.

Зная, что за каждым шагом — чья-то жизнь, которую ты взялся нести. Не потому что попросили. Потому что больше некому.

И потому что жалеть — некого.

Глава 1

С Яковом разошлись у выхода. Постояли. Помолчали. Ему в мастерскую, где ждёт керамопласт, камни и пахнет уютной химией, мне — в тактичку, где ждут Степаныч, Карасёв, Маргарита. Ему окунаться в любимую работу, творить невозможное, мне — готовиться к разговору с тем, кого подсеяла судьба. И Андрей.

Если повезёт — вечером можно будет снять накопившееся напряжение, которое уже давно, если честно, требует какого-то выхода.

Если нет... Думать не хотелось.

Хорошая штука — китель. Если настоящий, из правильной ткани. Можно спокойно, без спешки выйти в промозглую осень. Пройти от одного крыла к другому. Хромать, переставляя трость. Не думать ни о чём и дышать этим терпким ароматом сырой земли и прелых листьев.

Наверное, правильно, что переход вот такой. Чтобы пока идёшь к начальству или от начальства, успел подумать, остыть мыслями и эмоциями. Прожить. Прожевать. Продышать. Легкий стук набалдашника по асфальту дорожки не мешал. Чем-то даже был роднее жужжания сервоприводов экзоскелета.

Внутри входил как на Голгофу. Хотя, казалось бы, чего бояться? Пленный в изоляторе, наверняка обездвижен, да и куда он попрыгает после выстрела из того обреза? Но что-то давило. Наверное, то, что я так и не посмотрел флешку, и сейчас нужно будет сопоставлять то, что видел с тем, что там есть.

Хотелось в бой.

Правая нога, скользнув на мокром листе, поехала, едва затормозил.

Как будто ответ на желание — сиди, вояка, разгадывай головоломки. Вон, тебе и одежду парадную справили, вместо привычного камуфляжа.

Интересно даже, кто всё-таки?

Могло стать и со Степаныча. У него поступки один другого загадочней.

Тактическая комната встретила ярким светом и тишиной. Не рабочей, в которой каждый занят своим делом, скрипя карандашом, двигая стул, щёлкая клавишами. Той, которая замирает в ожидании. Когда между собой всё решено и обговорено и лишь Ревизор задерживается.

Подполковник Карасёв рисовал в блокноте. Карандаш подолгу замирал над листом, хищно падая на бумагу. Полковник Коливошко сидел за столом и рассматривал ногти. С увлекательностью его занятия могла посоперничать только майор Звягинцева, которая стояла, опершись на подоконник и гипнотизировала лист клёна.

Ко мне повернулись не сразу. Но все вдруг. Как будто по команде, дав возможность понять, ждём, родной. Ох как ждём...

Засосало под ложечкой.

Ярослав Васильевич окинул меня взглядом, провёл как сканером снизу-вверх. На секунду задержался на ордене. Поднял брови в вопросительной мине.

— Вырядился как на похороны, — буркнул он.

Осёкся.

Не потому, что неуместно. Потому что военная косточка — попадал не целясь. Точно. Слишком. Даже словами.

Тем более — словами.

Степаныч разрядил неловкость.

— Садись.

Сел. Прислонил трость к столу. Посмотрел на каждого по очереди, по старшинству, сверху вниз. Как на экзамене. Сергей не смотрит в глаза. Ярослав — нервно задёргал карандашом между пальцев — блокнот уже не нужен. Маргарита...

Даже при всей своей ровности, сейчас она выглядела идеальной. Хоть скульптуру ваяй, хоть в академию отправляй — сверять выпускников с эталоном. Прошлый раз она такое с Петром проворачивала. Станиславский бы аплодировал — верю!

А я — нет. Что-то они все знали. Что-то такое, чему у меня не было слов. Или понимания. Как будто вымаранный кусок в секретном документе.

Что они нашли на флешке? Что за бомбу нам подбросил Андрей?

Затылок ныл, аналитик во мне пытался просчитать непросчитываемое. Нет. Не выйдет. Будем играть с пустой рукой.

— Итак, — начал было Сергей и получил от меня смешок.

Недоумевая он чуть наклонил голову, демонстрируя любопытство, за которым скрывался казённый интерес.

Я невесело улыбнулся и выдал всплывшее в голове:

— Вначале было Слово. И слово было — «Итак...»

Всех отпустило. Как будто ждали нелепицы, чтобы сбросить важный вид, будто нужно было понять — я это, или не я.

Самому бы знать.

— Итак, — повторил Сергей. Я промолчал, не дёрнул ни мышцей. — На флешке оказался мусор. Два тактических отчёта о поведении субъекта. Список из семи фамилий, которые пересекались с известными нам «опустошёнными». Не вся информация подтверждена, но помимо наших удалось опросить ещё двоих «на удалёнке». Они все служили у Андрея.

— То есть, похищенных инициатов не идентифицировали?

Полковник досадливо поморщился. Не от вопроса — от того, что перебил.

— По инициатам есть информация, но нет возможности проверить. По образу действия — грабежи, шантаж, налёты на инкассаторов. Выгоревшая электроника, люди, поражённые разрядами. Есть погибшие среди гражданских — сожжённый водитель сердца, инкассатор с металлическими зубами, у которого вторичный разряд сжёг сосуды мозга.

— В общем, достаточно серьёзный послужной список, чтобы в лучшие времена получить пулю в затылок, — мрачно заметил Карасёв.

Я смутился.

— И для чего тогда нужен был разговор с ним? Не сходится. Мы и без этого видели Хирурга в деле. Его требования, его демонстрация силы. — Я проговаривал мысли вслух. — Что я должен был ему сказать, что помогло бы остановиться?

Неожиданно меня пробило!

— Или вопрос в том, что я не должен был его остановить? — Лихорадочно соображал. — Я должен был начитаться, проникнуться, начать обвинять или требовать сдаться, получить сверхэскалацию и масштабную бойню?

— Интересная мысль, — медленно проговорила Маргарита.

Прошла несколько шагов, села за стол.

— Из этой парадигмы следует, что конкуренты пытались добиться не пленения, а однозначного столкновения и в идеале, устранения двух главных угроз.

— Алексея и... Хирурга.

Карасёв осёкся после «и». Как будто хотел сказать нечто, что было рано декларировать.

— Но вмешался фактор X. И герой нашего времени — в изоляторе. — Он, кстати, пришёл в себя?

— Да. Очень тяжёлый. Но кризис миновал. — Маргарита перехватила внимание на себя. — Сильное истощение, сломанные рёбра, гематома, размером во всю грудь, ушибы лёгких. — Она вздохнула. — Магией лечить побоялись — вдруг очнётся — а в изоляторе или в браслетах...

Я понимал. И не осуждал ни Лену, ни Настю.

— Так он в сознании? Можем начать допрос?

— Можем, ждали тебя... — Что-то в тоне Сергея было неправильным. Как сальное пятно на очках. — Недолго. Пойдёте с Марго. Два майора... Как два капитана, только майоры.

Он усмехнулся, но как-то грустно.

— А ты?

— А он понаблюдает. — Звягинцева снова отвлекла.

Во рту резануло металлическим привкусом. Что за игры?..

— У нас там не пресс-конференция будет. — Майор явно старалась. Они все — старались. Подсознание било в набат. Зверь непонимающе крутился у ног. — Лишние люди там ни к чему. У меня будет наушник, для двусторонней связи, если что, нам транслируют.

— А я?

— А ты чистый. Посмотрим, что имел в виду Андрей, — Разбавил напряжение Карасёв. — Ну и доверия к тебе будет больше. Будет видеть, что ты без подсказки говоришь. Искренность, открытость.

— Подсадной, значит. — Обидное слово выморозило комнату. Зверь непонимающе заглянул в глаза.

— Подсадной, — не стала спорить Маргарита. Получила тоже взгляд Зверя.

— Но ты учитывай, — прокашлялся поёжившийся Сергей. — У тебя карт-бланш. Рамки будет задавать Маргарита, а ты можешь строить беседу как сочтёшь нужным. И сколько нужно.

— Что-то выглядит как «Мы тебе лекарство купим, но это как будто на новый год». Без обид.

— Без обид, Лёш. Но я серьёзно. Единственно, попрошу — не эмоционируй. Проверь. Не делай резких движений. Мы не знаем, что происходит. Но у Тюрина есть ощущение: там — ключ. — Сергей сделал паузу. — Не потеряй его.

— ...И себя. — Почти неслышно добавил Карасёв.

Я не повернулся.

— А теперь, внимание — вопрос. Что вы мне не сказали?

Тишина. На этот раз даже не такая, как при встрече. Плотная, густая. Хоть на полотно в немые сцены.

— Узнаешь на месте. Так надо.

— Что надо, Серёж? Зачем эти игры?!

— Мы будем рядом. Смотрим, слушаем, поможем.

— Что там? Кто?

— Узнаешь, когда войдёшь. Это приказ, майор. — Сергей уже не скрывал напряжение. Нервно встал, прошёлся за моей спиной. — Поверь мне.

Карасёв уронил карандаш. Он не ждал такой формулировки.

Не поднял.

Я поднялся. Ноги ныли от напряжения. Всё это время я сидел, не расслабляясь.

Взял трость.

— Пойдём.

Внутри гудело. То, что люди зовут интуицией, кричало: «Не ходи!» Но я аналитик, я должен считать, а не угадывать.

Маргарита встала, взяла папку — тонкую. Для видимости. Зажала в той же руке два карандаша. Прижала к груди и пошла к двери. Не оборачиваясь.

Я за ней. На пороге обернулся. Ярослав смотрел в спину. На его лице было что-то, чего не ожидаешь увидеть от такого профессионала как он. Не жалость, нет, — предчувствие. Как будто он знает, что сейчас мой мир даст ещё одну трещину.

Зачем? И чего это им стоит?

Моё восприятие этого человека было доломано одним словом.

— Удачи.

Я промолчал.

Коридор у изолятора.

Антисептик, пластик панелей, холодный, так отличающийся даже от осенней хмари свет.

С того раза я так больше и не бывал здесь. Нужды не было, а идти здесь насквозь, через тяжёлые двери, мимо стационарного поста военной полиции не хотелось. Не табу, но что-то порождало в душе иррациональное отношение.

И вот иду. Сам. По доброй воле.

Доброй?

Мою усмешку услышала Маргарита, которая шла на полкорпуса сзади, подстраиваясь под мою походку.

— Ты чего?

Я решил зайти сбоку.

— Да не пойму, на кой ляд был нужен цирк с флешкой? — Это тоже был волнующий вопрос, поэтому прозвучало естественно, с досадой. — Неужели не проще было оставить нам недосказанность, набросать кроки, так сказать?

— А ты не смотри пост-знанием. Это ты сейчас вот смотришь, когда он в изоляторе живой. А что, если задумка не поймать... Хирурга. — Она запнулась. — А устранить тебя?

— Как?

— Что, если они знали о будущей инициации детей? И о том, что он рядом? Ты читаешь флешку, настраиваешься эмоционально, Марат находит детей, вы несётесь в поля гораздо большим составом. И...

— И кто-нибудь из эмоционально нестабильных провоцирует конфликт, в котором либо он прореживает наших магов, либо выводит меня из строя. — Я повернулся к Звягинцевой. Она улыбалась.

— Именно.

— И на кой ляд я ему сдался? Я же не *ultima ratio*.

Что-то всё же не давало покоя.

— А вот это не факт, с его точки зрения. Вспомни Краснодар. Ты без страха и сомнения вломился в ритуал. Прошёл сквозь барьер. Срезал косой двоих. Плюс в той или иной форме информация о тебе уходила в отчётах, к которым, как мы выяснили, у них доступ есть.

— То есть, они считают меня неуязвимым к магии. А с учетом того, что они знают, что керамопласт магию не держит, вполне логично предположить, что я распространяю некое поле, которое её нейтрализует вокруг меня.

— Да. Мы предполагаем, что именно поэтому они отступили в Краснодаре, пусть и забрав магов.

Я помолчал. Уложил мысль на полку.

— Соответственно, конфликт мог спровоцировать нашего пациента сконцентрировать силы на мне и сделать за них грязную работу? — Картинка рисовалась так себе.

— Одна из версий.

— И зачем тогда было это «Поговори...»?

— А руки умывал.

Выглядело логично. И именно поэтому во весь рост стоял вопрос: «Где кидают?!» Мы придумали потрясающую в своей цельности картину, которая была обязана разломиться при первом же соприкосновении с реальностью.

Плюс я не верил Маргарите. Ничего личного, но я помнил, как она «работала» Петра. И сейчас было ощущение, что и меня ведут. Только поводок длинее.

Надо успокоиться. Иначе совсем в паранойю упаду.

Подшли к посту охраны. Хмурый прапорщик посмотрел на нас, просканировал предъявленный Маргаритой талончик со штрих-кодом.

«Как на парковке», — хмыкнул я про себя.

Прапорщик набрал что-то на панели. Приложил карту. Загорелся зелёный.

Сухо щёлкнул электромагнитный замок. Я почувствовал мандраж.

— Заходи, — мягко подтолкнула меня майор, направляя в открываемую дверь.

Я успел задать последний вопрос.

— Ты знала его до?

— Нет. — Слишком быстро. Слишком спокойно.

Но поворачиваться и смотреть в глаза было поздно.

Я шагнул вперёд. Изолятор не изменился. Те же стены, стул... Стулья, теперь два. Та же кровать.

Моя тень, выросшая из-за спины, и лёгшая поперёк. Я не помнил её тогда. Но сейчас она была контрастом. Тьмой.

Человек, прикованный к кровати. Я лежал так же. Ремни, дополнительно браслеты-негатеры на кистях, тонкая цепь огибают их, проходя под ложем кровати. Нитка капельницы к ключице. Пакет висит на крючке на стене.

Глаза упорно не хотели возвращаться к лицу. Мозг отбрасывал его, игнорировал как монашку в варьете. Нонсенс. Невозможность.

Сердце стучало как японские барабаны. Все сразу.

«А гимн Советского Союза на этом барабане можешь сыграть?» — пришла в голову идиотская шутка, и наступило принятие.

Зверь рванул к кровати. Счастливый. Лучась неподдельной радостью.

А я переваривал постаревшее гораздо сильнее, чем на семь лет лицо. Знакомый шрам над бровью. Волосы, превратившиеся из воронова крыла — «у цыган украли» — в перец с солью.

Брат.

Хирург.

Тот, кто вынимает душу из магов. Тот, кто истребляет наше альтер-эго. Тот, кто изображает из себя Робин Гуда, но убивает гражданских.

Тот, кого я искал, задействуя неформальные связи, после исчезновения в Калининграде. Год, полтора, надеясь хоть на что-нибудь. Потом не смог. Потом ноги. Мне тогда казалось, что ещё чуть-чуть и...

Родители сказали: «Не ищи».

Вопросы, попытки вывести на чистую воду ничего не дали. Не искал.

И вот.

Человек, который учил кататься на велосипеде, который привозил модели кораблей, собирал их, подписывал «От морского волка сухопутному волчонку», который вытащил меня из воды в пятнадцать лет, когда я в марте упал с лодки, перетряхивая сетки на ночной рыбалке, а затем растирал меня самогоном в ближайшем коровнике, отдав скотнику всю бывшую у него зачем-то с собой валюту. А потом уложил меня между двух коров, чтобы они грели меня, пока он с мужиками снова вернётся на реку, так как рыба сама себя не выпутает.

И затем всем с серьёзным видом подтверждал, когда я в шутку хватался перед друзьями, что спал с двумя тёлками.

И сейчас здесь. На этой койке. Сознание разбивалось на осколки, собираясь мозаикой калейдоскопа.

Я не успел ничего спросить. Из ступора меня вывел его хриплый голос, на этот раз изменённый не маской, а отбитыми лёгкими.

— И ты с ними? — Не вопрос — обвинение. Как на Страшном Суде. — Ты — с ними?!

В его вопросе было всё. И ничего.

С кем? С чем?

Я сделал шаг внутрь.

Хорошо, что в руках трость. Маргарита вошла следом. Дверь мягко закрылась. Снова щёлкнул замок, отрезая от внешнего мира.

— Вы знали. — Я повернулся к ней. Она вздрогнула. — Вы. Все. Знали.

Плохо, что в руках трость. Поставил её на пол. Понял, что лицо у Звягинцевой блее белого.

— Знали. Пять минут назад знали. И молчали. Прикрыли первородный стыд приказом.

Маргарита молчала. Профессионал. Она могла испугаться, но она считала быстрее меня.

Раз говорю, раз вернул трость на пол, раз не взорвался — всё в порядке. Работаем.

Работаем...

— И что бы это дало? — Я восхищался ею и ненавидел её. Она была лучшей копией меня. Вернее — я был бледной копией. — Ты бы вспыхнул, начал делать глупости...

Продолжать было не нужно.

Я всё понимал. Но не мог принять. Они знали. Знали. Знали! Какое место в моей жизни занимал Коля. И всё равно.

Зверь скулил. Не от боли. От ошибки.

Радость узнавания, обретения. И ярость. Обман. Воплощённые инстинкты не могли вместить многослойность человеческих отношений. Очередной свой в кандалах. Предан. Скован. Хищник. Щенок, которому не суждено повзрослеть.

— Она права. — Спокойный голос с кровати бил под дых правотой. Тихо, устало. Как боксёр в двенадцатом раунде. — Ты всегда был горячим. Нетерпимым. Всегда на все сто... — Что-то из прошлой жизни. Той, до перебитых ног.

— Ты не с ними, Лёшка...

Лёшка. Так звал только родители и он.

Я закрыл глаза. Постоял несколько секунд. Штормило.

Вернулся к реальности. Нехотя, сквозь сжатые зубы, глядя на мятущееся альтер-эго, признал правоту обоих. Странно, как они разом ударили по больному. По одному и тому же.

Так можно сделать только когда понимаешь, уважаешь, любишь.

А я бы наделал. Как бог свят.

Как свои...

Маргарита прервала мои мысли. Села. Кивком позвала меня.

Работаем.

Из папки она достала лист с планом беседы. Конечно, он полетит в мусор, но ритуал следует соблюсти. Нужно показать себя. Поставить рамки. Закрепить якоря. Мы здесь главные. Несмотря на то, что поезд уже упал под откос.

Да и не дадут нам сейчас сорваться, уйти в сторону. Смотрят, слушают, делают пометки. Ждут откровений. От обоих.

Готовы вмешаться.

Майор достала из кармана пиджака пульт — и когда только успела взять — подняла кровать в более удобное для разговора положение. Как меня когда-то Тюрин.

Первая ничего не значащая уступка. Подача.

Следующий был удар от борта.

— Николай Николаевич, — полное имя она использовала намеренно официально, для закрепления дистанции. — Прежде всего я хочу внести ясность. Это — не допрос. Пока. Сейчас это — беседа. Вести будет майор Топорков. И от ваших ответов зависит — останется это беседой или станет допросом.

— А ваша роль? — Николай напрягся. Он не хуже меня понял, что играть будут нас обоих.

— Я буду средством связи. Помогать ставить рамки, если что-то пойдёт не так. — Звягинцева показала наушник. — И при необходимости транслировать вопросы, которые возникнут в процессе.

— Ему не положено? — Сарказм вопроса потерялся, не достигнув цели.

— У меня своих вопросов больше, чем орденов у Леонида Ильича, — достаточно зло пробормотал я, как бы в никуда.

— Ну я теперь никуда не спешу. — Коля попытался изобразить пожимание плечами, но мне стало понятно, что он боится моих вопросов. Боится услышать не казёнщину, а то, что вынет душу.

— Мы спешим, брат. — Я сделал упор на «мы».

Маргарита кивнула.

Следующий вопрос, как бы ни хотелось спросить иное, прозвучал как выстрел.

— Какие у тебя отношения с Андреем?

Я смотрел на его реакции. Только имя, но его было достаточно. Это оказалось ударом ниже пояса. Николай дёрнулся, сильно. Он явно боялся вопроса и боялся ответа на него. Что-то в душе звенело обнажёнными нервами и проецировалось наружу. Но я не знал причин.

— Он отец Насти и Толика...

Узнал...

Мы молчали. В голове мозг стучал о стенки черепа в ритме пульса. Уши горели.

— Не понял?.. — Кому я врал? Всё я понял, но не мог, не хотел вмести в голову.

Для Маргариты это тоже стало шоком. Она сидела, покачиваясь на стуле. Этого она про считать не могла.

— Как так?!

— Вот так...

Кое-как справившись с собой, я задал глупый вопрос.

— Он знает?

Секундная пауза. Закрытые глаза. Нелёгкое признание.

— Да.

— А... дети? — майор поддержала. Я бы не смог.

— Не знаю. Если только Галя сказала.

— Не сходится. Это повод, чтобы на работе подставить или там развод организовать, в кредите отказать. Но такая война?..

— Я не знал. До настоящего времени. Теперь, думаю, знаю.

Черты лица Маргариты обострились. Она приготовилась слушать, запоминать, анализировать... и ловить на нестыковках.

Это было правильно. Я — предвзят. Слишком. Я могу задать правильный вопрос, но понять правильность ответа — увы. Правильно... правильно... правильно... Почему я вообще должен решать, что правильно?.. Для кого правильно?..

Жаль, что у меня нет наушника. Мне бы не помешал руководящий пинок, чтобы выпрыгнуть из этой ямы саморефлексий.

— Теперь и я знаю, — в голову пришёл ответ, чистый, прозрачный. — Андрей получил информацию обо мне, а зная, что способности открываются внутри семьи тем или иным образом, по линии муж-жена, брат-сестра, решил, что он под ударом. Сам бы он точно не преминул устранить такую... угрозу...

— Слишком сложно. — Маргарита явно ретранслировала чужую мысль «оттуда».

— У меня идея та же, — выдохнул мой брат в поддержку моих слов. Всё, — что у меня было, телефон одного из напавших на меня на корабле в июле.

— Телефон? — майор насторожилась. — Давай по порядку?

— По какому порядку? Мы семь лет не пройдем, он раньше от боли кончится. — Это не было заботой, это было пониманием.

— Семь не надо. Давай с телефона, что предшествовало, что произошло?

— Ничего. Мы стояли в порту, ждали погрузки, на корабле оставался только механик, старпом сошёл на три часа по делам, остальные до вечера в увольнении. Я шёл к себе из кухни, взял пару шампуров с мясом. За приоткрытой дверью услышал шорохи какие-то. Подумал — крысы. Мы перед этим зерно таскали, так сладу с ними не было...

Я усмехнулся, но насторожился. Борьба с крысами на корабле у брата всегда была любимым коньком, и отличить правду от выдумки бывало очень непросто. Николай увидел мою мину, но не подал виду.

— ...Взял шампуры наизготовку, врезал ногой по двери и попал в кого-то. Там заорали и на меня выскочило тело с автоматом. Ну я и воткнул шампуры, оба два...

На его лице отражались переживания. Было заметно, что несмотря на то, что на его счету не один убитый, первый стал особенным.

— А когда понял, что сделал, услышал топот, бежали сверху, с мостика. Пришлось взять автомат. — Брат хмыкнул. — Вы когда-нибудь из-под трупа оружие вытаскивали? Когда оно в крови и лямки скользят.

— В общем, я разбил лампочки в коридоре и стал ждать чуть подальше. Там ещё один с автоматом был. — Он понемногу раскачивался, вовлекался в своё повествование.

Я бросил взгляд на Маргариту, когда Коля переводил дыхание, она одними глазами показала: «Ведём дальше!».

— Они без бронежилетов были?

— Без. Как на прогулке. Хотя в порт в бронеках сложнее заехать было бы. Там и автоматы такие... — он помялся, подбирая слова. — Пистолет-пулемёт. Такие, знаете, коротенькие, в чемоданчик помещаются.

Коля дёрнул кистью руки, как будто пытался показать размер. Заядлый рыбак, он всё привык демонстрировать так же, как и пойманную рыбу.

— Ну, в общем, в коридоре шансов не попасть с полной обоймой у меня не было.

— А потом? — не дала ему остановиться и подумать Маргарита.

— А потом я услышал ещё шаги, но вторую обойму взять я не догадался. Поэтому отбежал обратно, на щите взял багор, и когда шаги приблизились, вмазал багром из своей каюты. Промаяхнул. Но тот, кто был за дверью, испугался и врезал из шокера. — Николай замолчал. А я подумал, что тогда, в мае, тоже думал, что Настя тазер применила.

— Дальше было уже просто. После двух убитых — третий — это уже так, семечки. Но я его не добил сразу. — Брат скривился. Замолчал. Какая-то эмоция проскочила по губам и скулам. — И когда он лежал, булькал кровью, я наклонился над ним, хотел понять, что он там говорит... Очень хотел... Оказалось, что все его эмоции — теперь мои...

— Эмоции? — Звягинцева подалась к нему. — И всё?

— Не всё. Вы ведь к этому ведёте? — Хриплый голос ощущался злым. — Я тогда не справился с этими эмоциями и добил раненого. Но добил ударом тока. — Он смотрел в потолок. — Просто между ладоней проскочил разряд и там, где я его касался, всё обуглилось.

— А дальше? — Мой голос придал ему немного сил.

— Пока старпом не вернулся, начал трупы обшаривать. У мага телефон сгорел, когда я его поджарил. Тот, что в коридоре — пробило пулей. А вот у того, что в каюте шарил, нашёл без блокировки. Там в свежем чате с «Командиром», с аватарой Андрея, было моё фото, с новых документов. И было имя корабля.

— Херня! — Мой голос был резок и даже Маргарита подпрыгнула на стуле, не говоря уже о Звере, который приник головой к полу и поджал уши. — Не сходится, Коля.

Брат устало усмехнулся. Но напряжение уже проглядывало за этой усмешкой.

— А когда сойдётся? — Он по-прежнему считал меня просто «младшим».

— Когда игры кончатся. — Я остановился, давая ему быстро принять решение. Не дождался реакции, кроме молчания, и продолжил, несмотря на то, что он открыл рот. — Ты не системный персонаж. Не спецназ, не диверсант.

Маргарита молчаливо подбадривала меня, сейчас она слушала в оба уха и мимикой транслировала «потустороннее». А я завёлся. И было из-за чего... кого...

— Было бы иначе, ты бы нас там положил без театральщины. Поэтому хоть «школы» у тебя и нет, но ты не «мальчик, который выжил». Твоё поведение — не случайность.

Николай вскинулся, ремни снова заблокировали его движение. Поморщился от боли. Заперхал кровавой слюной.

Я взял салфетки с полочки в тумбе и протёр ему губы. Придержал около рта, и он сплюнул сгустки. Убрал в кювету. Зверь с интересом смотрел за мной, объединяя взгляды всех в этой комнате.

Сел обратно. Кивнул сам себе, своим мыслям.

— Реакции. Ты не просчитывал их — ты отвечал. Удар в дверь — это не импровизация. Это рефлекс. Подкорка. — Я погружался в этот бой, представлял его себе. — Шампуры — идеально. Я сам своих первых броском шайбы и клюшкой уложил.

Брат молчал. Слушал. Не где-то там, а тут, со мной. По-настоящему.

Важно.

Наверное...

— Битые лампы, создание темноты и контраст на входе. Багор как подручное средство. — Это всё, как ни крути, при первой стычке не провернёшь. — Я постучал по тумбе. — Даже если читать книжки и смотреть фильмы. Это навыки.

Маргарита подытожила за меня.

— Импровизация.

— Верно. Но ты не можешь импровизировать тем, чего не знаешь, что не прожила. — Мы не сокращали с ней дистанцию, сейчас это вырвалось само. Но Звягинцева не заметила.

Она помедлила, обрабатывая поток.

— Портовые драки.

— Ну не так пафосно, но, думаю, как объединяющее слово для всего опыта, можно сказать.

Майор кивнула.

Николай выглядел как нашкодивший первоклассник. Это было настолько не к месту, что я почти улыбнулся.

Только почти.

— А вот дальше... Дальше у нас то, что не лезет в рамки. И мне очень не нравится.

Зверь покрутил головой, заглянул в глаза. Прочёл что-то. Отвернулся.

— Третий. Маг. — Я пристукнул тростью о пол. — Твои слова: «третий — уже семечки».

Вязкая тишина, в которой тонули слова, наполнила изолятор.

— Кому «семечки», Коль?

Он не ответил. Смотрел в стену. Даже не мигал.

Я не повысил голоса. Эта сцена не нуждалась в громкости.

— Для того, кто убивает впервые, труп — это шок, ломка. Даже на войне. Будет трясти, выворачивать. Да что говорить — тупо спусковой крючок нажать в сторону человека — не каждый может...

Маргарита внимательно следила за реакцией Николая. Я это ощущал через Зверя, тоже наблюдая за братом.

— А ты... — Я замолчал, как будто давал ему пространство, на деле лишая его, — ты рационализируешь.

Хлётко, как удар тыльной частью ладони по лицу. Зубы не летят, но боль, унижение, вызов, наказание, нельзя не ответить.

— Я не!..

— Упаковываешь в слова... Чтобы не чувствовать... Не помнить... Не слышать...

Второй удар, в обратную сторону.

Вжатая в плечи голова. Ожидание боли, ощущение предательства.

Зверь, готовый вцепиться в руку — оскал зубов, блеск в глазах, вздыбленная холка.

Остановка за йоту перед.

— Это нормально, Коль. Так все делают.

Это ещё больней. Это не обида — трещина. Броня посыпалась кусками.

— Я просто... — он сбился. — Я просто делал, что нужно. — Он не сказал «когда». Мы поняли. Он понял, что мы поняли...

Я встал. Посмотрел сверху.

— Уже честнее. Перед собой...

Наклонился к нему. Глаза в глаза. В его — страх. Понимание, что волчонок вырос. Давно.

— А теперь перед нами. — Молчание. Отведённый взгляд. — Когда ты наклонился к третьему. Магу. — Я не спешил. — Ты хотел понять, что он говорит?

Коля молчал. Слышно было бульканье воздуха в лёгких.

— Да.

— Или ты уже знал, что добьёшь его? — Прости, брат. Прости.

По руке потекла кровь. Зверь рычанием явно давал понять, что следующий раз он вцепится в горло. Боль пришла позже. С осознанием.

Широко раскрытые глаза Маргариты и брата говорили о том, что это не плод моего воображения. Кажется, это добило Николая сильнее, чем всё остальное.

— Я... — он вдохнул. Снова заклокотало в груди. — Я не знаю, Лёш.

Маргарита не дышала. Она замерла соляным столпом, боясь что-то сделать.

Я кивнул. Как будто получил доказательства.

— Это и есть правда.

Николай обессиленно обмяк на кровати. Здесь сегодня мы больше были не нужны.

— Я позову врача. Отдыхай. Я вернусь.

Звягинцева с пульта опустила спинку кровати.

Он медленно закрыл и открыл глаза. Что ему оставалось делать.

Встали. Пошли к двери.

Щёлкнул замок, открывая выход. Пропуская майора вперёд, я остановился и обернулся. Брат лежал, глядя в потолок. В углу глаза в свете ламп блестела слеза.

Я запомнил.

Вышли.

В коридоре некстати оказался Толик, быстрым шагом шедший от входа. Подростковое любопытство манило его заглянуть в дверь, но я мягко, хотя и настойчиво отнёс его. Маргарита прижала дверь.

Снова щёлкнул замок.

Племянник обиженно посмотрел на меня.

— Да ну вас... — тон резко контрастировал со словами.

Пошёл дальше, сунув руки в карманы.

Звягинцева сдала пульт. Как будто отстрелянный пистолет.

Вынула наушник, тряхнула головой, сбрасывая напряжение.

Кивнула прапорщику.

Мы вышли на улицу. Успело похолодать. Но это было к лучшему. Может чуть приведёт в себя.

Воздух казался пустым. Я жадно дышал и не мог надыхаться. Отчаянно хотелось закурить.

— Знаешь, майор... — Маргарита пристально смотрела в точку за моим ухом. — Ты очень страшный человек.

— С вами по-другому нельзя, — вернул я.

Она вздрогнула. Коротко резко выдохнула.

А что, ей одной только, да?..

— Ну да. Работа такая. — Процитировала она. — Но лучше бы нет.

Глава 2

Возвращаться в тактичку не хотелось. Я уже знал, что будет. Но... «работа такая». Комната нас встречала тишиной особого рода. Я её звал четвёртой.

Первый — ожидание. Второй — работа. Третий — напряжение. Четвёртый — когда всё решено и осталось только подтвердить. Самая неприятная.

Самая неизбежная.

Сцена была той же. Но добавился Антон Афанасьевич.

Тюрин стоял у окна. Руки за спиной, взгляд в окно — тонкий аромат дежавю был разлит в воздухе.

Сергей Степанович сидел за столом — перед ним стояла большая кружка кофе, нетронутая. Пар не клубился. Карасёв — на том же месте, с тем же карандашом. Только блокнот закрыт.

Экран погашен.

Они ждали не нас. Они ждали результат.

Генерал обернулся. Выцелил моё лицо. Глаза. Звягинцева не была ему интересна. Всмотривался.

Я стоял. Ждал результата сканирования. Без вызова. Просто боль и усталость.

Он кивнул.

Посмотрел на мою руку. Я посмотрел тоже.

Рана... Стигма?.. Два аккуратных прокола с тыльной части. Чуть за суставом. Кисть не тронута. Рукав пробит в одном месте. Рукав... пробит!.. Это не просто психика, это реальность...

Кровь напитала край рукава, запеклась на руке. Я и не заметил, мне было достаточно того, что, хотя бы альтер-эго не упало в эту яму, которая называется «так надо». Тёмно-бурое на тёмно-зелёном, но Тюрин заметил. Не мог не заметить.

— Ярослав Васильевич, — голос Тюрин. Ровный, без тепла, без холода, — перевяжите Алексею руку.

Не попросил — приказал. Но в самом факте — что заметил, что приказал, что не спросил «как» — было то, чего он никогда не произнесёт вслух. Как тогда, в кабинете. «Встань.»

Карасёв молча поднялся, достал из шкафа аптечку. Подошёл ко мне. Я протянул руку — автоматически, не думая. Он обрабатывал — быстро, аккуратно, с навыком человека, который делал это в поле, не в кабинете. Бинт лёг плотно. Промолчал. Но пальцы чуть задержались — на секунду дольше, чем нужно.

Заглянул в глаза — похоже, сегодня день такой — чему-то кивнул в своей голове. Дёрнул уголком губы, отгоняя мысль.

Чуть сильнее и громче, чем нужно захлопнул аптечку. Чуть неуклюжее, чем можно было бы поверить, задвинул в шкафу. С лёгким дребезжанием закрыл дверцу.

Все делали вид, что ничего необычного.

Симптом.

Маргарита уже сидела. Катала карандаш по столу. На лице дежурное, уставное выражение.

Так надо.

Мы все тут — «так надо».

— Личность подтверждена, — сказала майор. — Контакт установлен. Ключевая... — она на йоту сбилась, вернулась с вдохом, — первичная информация получена.

Тюрин кивнул. Одно движение — и тишина сменилась рабочей.

— Докладывайте.

Не для себя, для неё. Убедиться в том, что она запомнила и поняла всё правильно.

Маргарита коротко изложила суть. Без моих эмоций, без коровника, без слезы в углу глаза. Только факты: причина, исчезновение, инцидент, инициация, телефон, выводы. Поведение объекта, реакции, взаимодействие с... со мной.

Я не комментировал. Слушал минуты своей жизни в чужом пересказе — сжатые, обезвоженные, ничьи. Как медицинская справка. Форма. Номер. Выдана имярек. Дата. Подпись. Кому угодно. Любой диагноз. Печать медицинского учреждения.

Тюрин слушал, не перебивая. Затем внезапно, без перехода:

— Алексей. Твоя оценка.

Экзамен.

Дошло не мгновенно. Отложено. Как будто не вслух сказал, а отправил голубями. Мозг отреагировал пониманием: не «что узнал?», а «как оцениваешь?» Справился ли? Не перешёл ли черту? Можешь ли продолжать? Не потерял себя? Удержишь ли Зверя?

— Контакт есть. Доверие — частичное, обусловлено родством. Готовность к продолжению — высокая, но ограничена физическим состоянием. Информация требует проверки по каждому пункту.

Казённые слова. Протокол. За которым стояло: брат лежит привязанный к кровати, я его только что сломал, и он заплакал, и я это запомнил.

Генерал смотрел на меня. В них не было ничего, но казалось, что ждал чего-то более человеческого.

— Хорошо, — сказал он. — Задачи.

Повернулся к Сергею Степановичу.

— Проверка показаний. Супруга — Галина Николаевна Топоркова. Родители Алексея и Николая. — Он произнёс имя брата без запинки, как произносят оперативные данные. — Ответственный — вы. У вас в Ейске контакты, связи. Прошу отработать аккуратно, без лишнего шума. Подберите исполнителя с пониманием.

Сергей кивнул. Я отметил: он не удивился. Значит — считал, понимал, планировал. До того, как я вернулся. Для него неудивительно. Всегда на шаг впереди.

— Маргарита Семёновна. На вас проверка событий трёх-четырёхмесячной давности. Инциденты в портах, морские происшествия, незакрытые дела. Особое внимание — исчезновение капитана, внутренние повреждения судов, изъяты из моргов тела.

— Есть.

— Ярослав Васильевич. Вам самое тяжёлое. Работа с участниками выезда. Никто — никто — не обсуждает личность задержанного за пределами этого кабинета. Проведите беседы индивидуально. Маги, бойцы, привлечённые, гражданские — все. Формулировка: «до особого распоряжения». Подписка не требуется, думаю, понимание есть у всех.

Карасёв кивнул. Посмотрел на меня — коротко, поверх бинта, который только что наложил. В его взгляде было что-то, от чего я отвернулся. Не осуждение. Не восхищение. Что-то третье — как у человека, который смотрит на хирурга после сложной операции и думает: я бы не смог. Не руки, не навык — нутро. Он бы не смог так ломать близкого.

Признание.

Сделалось тошно.

— И ещё. Подготовьте, наверное, приведение к присяге всех вновь прибывших. У нас уже достаточно людей, которых стоит вовлекать в реальную работу.

Ярослав посветлел. Это его работа. Его задача.

— Есть!

— Алексей...

Я выпрямился. Так получилось.

— Восстанавливайся. Меньше внутренних конфликтов, больше сна. — Он помолчал — той паузой, которую я уже научился слышать. — Завтра продолжишь, если объект будет готов. Утренние медицинские процедуры, потом — второй разговор.

Объект. Не «Николай», не «твой брат» — объект. Генерал ставил рамки. Вешал флажки. Осознанно, методично. Напоминал: здесь сначала служба, потом всё остальное. Если останется.

Не поспорить.

— И последнее. — Он обвёл взглядом всех. — В посёлке провели работу. Расставили «флажки», чужих примем. Наверх пока результаты не отправляли. Провели как инцидент, отбились, приняли, потерь нет. Но нужно быть готовыми ко всему.

Ко всему. Даже к кротам.

Слова не прозвучали — все люди взрослые. Но тени предательства снова зашарили по стенам. Полковник чуть сощурился — маска на миг уступила место хищнику. Маргарита не шевельнулась. Карасёв уронил карандаш.

На этот раз — поднял. Наверное, нарочно.

— На этом всё. Не задерживаю.

Я поднялся. Трость. Дверь. Пропустить Маргариту, замешкавшуюся со стулом, упёршимся в ножку стола. Коридор.

На пороге обернулся. Тюрин снова стоял у окна. Руки за спиной. Смотрел на плац, на деревья, на осень.

Сергей поднял кружку с остывшим кофе. Посмотрел в неё. Поставил обратно. Не отпил. Поморщился.

Я прикрыл за нами дверь.

Маргарита сникла. Повернулась ко мне. Протянула руку.

— Мир?

— Мир...

В её глазах мелькнула благодарность. Она отпустила руку, повернулась и пошла по коридору. Спину так и не выпрямила.

В столовой было пусто.

Время обеда прошло — давно, судя по тому, как пахло: не едой, а тем, что остаётся после еды. Остывший пар, запах дезинфицирующих средств, которыми протирали столы. На раздаче — дежурные подносы с накрытыми крышками тарелками. Для тех, кто задержался. Для таких, как я.

Суп — перловый, густой, уже не горячий, но ещё тёплый. Хлеб. Котлета, слегка заветрилась, но всё ещё на вид съедобная. Остывшее пюре. Компот в кружке с щербатой ручкой. Сколотый край. Как душа.

Отзвенела микроволновка, разогревая еду. Я упал за стол, приступил к обеду.

Не потому, что прямо-таки хотел — тело требовало. Как после боя, как после допроса — одно и то же: организм берёт своё, не спрашивая у головы разрешения.

Суп был нормальный. Котлета — тоже, на удивление. Пюре как пюре.

«Чого його пробовать...» — тут же подбросило якорь подсознание.

Компот — кислый, абрикосовый, без лишнего сахара. Мелочи, которые держат на плаву.

— Не помешаю?

Марат стоял с подносом. Тоже опоздал — или пришёл специально. С ним не угадаешь. Да я и не пробовал.

— Садись, конечно.

Умостился напротив. Размещался со вкусом, с расстановкой, как будто на неделю, а не на обед. Молча начал есть. Не торопился — и не тянул. Просто ел. Несколько минут тишины, в которой ложка стучала о тарелку и больше ничего.

Я не уходил, хотя компот уже был допит.

Он отодвинул пустую тарелку.

— Хочу тебе кое-что сказать, — начал он. — Не по службе. Просто... мысли.

Я кивнул. Продолжай.

— Я видел тебя. Там, в посёлке. Со стороны. Из окна. — Я подумал было о запрете на обсуждение, но на сегодня системы было слишком много, и... И Карасёв ещё придёт к Марату, потом. А мы — сейчас

Он помолчал. Подбирал слова — это у Марата было привычкой. Не из осторожности — из уважения к тому, что хочет сказать. Он ценил слова больше, чем кто-то другой, каждое было на месте. Каждое было вовремя.

— Когда она... Марина... когда началось, я видел тебя. Видел, как ты падал на колени. Видел Зверя.

Я напрягся. Зверь — рядом — тоже.

— Ты всех приучил: Зверь — инстинкт, животное начало. И, наверное, веришь этому сам. Ты помнишь, как создал связь?

Я помолчал, окунаясь в бой. Ощутил рывок, как тогда. Скосил глаза на лежащего Зверя. Он и ухом не повёл.

— А если я скажу, что я видел иначе?

Мы со Зверем синхронно насторожились.

— Я видел, как ТЫ его направил.

— Я не...

— Дослушай. — Голос тренера. Непреклонный в своей обманчивой мягкости. — Ты не отдавал команду — да. Ты не думал «сделай это» — да. Но я видел... — Он снова подбирал. — Движение. Как будто ты всем собой качнулся в её сторону. Не телом — естественным. И Зверь продолжил. Не сам — повторяя твоё движение, завершая вектор.

Я молчал. Я не видел этого. Не ощущал.

— И когда ты рвал связь. — Марат чуть понизил голос. — Ты был на месте. Но около Марины... Там было... две сущности. Ты... нет... проекция тебя — и Зверь. Он не сопротивлялся. Он... — лоб прорезала черта, — ...скорее скулил. Как будто ты тащил его от того, что он готов защищать до последней капли крови. И он не хотел уходить. Но шёл. Признавал.

— Я же помню, как хватал за холку, как подсёк задние ноги. Я боялся, что не совладаю. — Мне было тяжело говорить о том, что я делал, о том, как поступал.

Зверь лежал у ног. Тихий. Уши прижаты. Но — хвост чуть двигался. Едва заметно.

— Ты можешь сколько угодно считать себя сволочью, Лёш. — Марат допил компот. — Но со стороны виднее. Это не только инстинкты. Это — ты. Просто ты ещё не привык к этому «ты».

Я хотел возразить. Не смог найти слов, которые не были бы враньём.

Зверь положил голову на лапы и закрыл глаза. Впервые за два дня — спокойно.

— Спасибо, — сказал я.

Марат кивнул. Встал. Забрал подносы — свой и мой. Отнёс к стойке для грязной посуды. Кивнул в сторону открытой двери кухни.

— Отдыхай, — сказал он уже от двери. — Тебе нужно.

Я сидел в пустой столовой.

Смотрел на щербатую кружку в руках.

Нужно идти.

Яков не удивился.

Он вообще редко удивлялся — или умел это прятать так глубоко, что не доставалось никому. Я пришёл к нему в мастерскую — без звонка, как всегда.

В конце концов, зачем ещё нужны друзья.

Он был один. Несмотря на ещё не совсем позднее время, никого не было рядом. Тот участок мастерской где раньше пузырился огромный ком керамопласта, сейчас был занавешен, а Яков завершал формовку наруча, сверяясь с чертежами и размерами.

Не отвлекаясь, мотнул головой — ищи место, садись.

Я убрал с одного из стульев стопку бумаг. Из неё выпал лист.

Планируя, приземлился на пол. Чертёж на нём изображал боевую машину на шести колёсах. Не слишком большую, меньше БТР, насколько я мог увидеть, но побольше БРДМ.

Вернул лист обратно. Нужно будет — расскажут.

Яков закончил, отложил броню. Посмотрел на меня.

К утреннему мне добавились бинты, запёкшаяся кровь на рукаве, усталость на лице.

Не спросил.

— Ты как смотришь, чтобы рыбу отложить к пиву? — Противореча своим словам, он крутил в руках свёрток с одуряще пахнущим судаком. — А то, я смотрю, тебе сегодня точно не стоит наливать.

Я слотнул слюну. Проводил рыбу взглядом и носом. Зверь смешно морщился, повторяя за мной.

— Не буду спорить. Предвкушение праздника — лучше самого праздника.

— Ну тогда с меня чай. — Он достал чайник из шкафа. Подключил к розетке. Налил воды из стоявшей рядом баклажки. — И козинаки.

Он улыбнулся. В мастерской потеплело.

Запах свежих козинак своеобразно сочетался с химией, разлитой в воздухе, дополняя её и переводя мастерскую в уютную берлогу.

Зверь подтвердил, свернувшись клубком.

Молчали, пока закипал чайник.

— Ты за новостями следишь? — спросил я.

— Краем глаза. — Он разлил чай по стаканам в мельхиоровых подстаканниках. Поставил передо мной. — Ты про Балтимор?

— Да. И Айзенштадт. И остальное. — Я покрутил перевязанной рукой. — Что-то события прям-таки галопом скачут.

Яков сел напротив. Отломил кусочек пахнущих свежим маслом козинак. С хрустом откусил. Жевал медленно, основательно.

Шумно, с присёрбыванием, не стесняясь, отпил чай. Подержал стакан на весу.

Поставил.

— Да, видимо, что-то готовится. Как в цирке под открытым небом— ковёрные внимание публики отвлекают, а карманники в толпе мошну обносят.

— Если бы только это, — вздохнул я. — Нулей показали

— Это да. Открыто. На камеры. Смотрите, бойтесь.

— Как охрана. Напоказ. — Я помолчал. — Ты же понимаешь, что это не просто так. Это демонстрация. Угроза. Предложение, от которого нельзя отказаться.

— И чем платят те, кто себе такое... прикупил? — Ещё один шумный глоток.

Я хмыкнул. Яков умел задавать вопросы, которые после ответа создают новые вопросы. Над такими хорошо думать. Как сейчас.

— Лояльностью, наверное. Суверенитетом. Волей. — Я отпил чай. Горячий, крепкий, правильный. — Забавно. Нули отдали волю буквально. А эти... метафорически.

— Не так уж и метафорически, — негромко заметил Яков. — Если в любой момент может объявиться «репортёр», который может заставить тебя застрелиться на камеру...

— Можно подумать, нули принадлежат купившему. Точно так же придёт такой «Приказ 66», и завещание не успеешь написать. А своего мага для защиты у тебя не будет — рядом с нулями... сам понимаешь.

— С другой стороны, — Яков задумался. — Если у нас в стране такое объявится, значит, где-то кто-то у нас порой...

— Да вот же. Что-то за наших, — я мотнул головой вверх, сделал глоток, — тревожно. Надеюсь, там есть какое-то понимание, как мозгокрутов выявить и не подпустить.

— Не, Лёш, даже думать не хочу. Потому что, если... — он как-то заметно скис.

Мы помолчали, отдавая должное чаю и конфетам. За окном темнело — октябрь заканчивался. Выключал свет без предупреждения.

— А с Китаем, конечно, интересно получилось, — перевел разговор Яков, чтобы сбить тягостную ноту. — Я тогда даже не думал, что столько уцелеет.

— Какое «хорошее» слово — «Получилось». — Я горько усмехнулся. — Если бы мы тогда не сбили их ракеты... — Договаривать было не нужно. Яков знал историю не хуже меня.

— Да, им не позавидуешь, но они всё равно молодцы, — он качнул головой. — Методичные. Восстановят. Не за пять лет, и даже не за десять, но восстановят. — Мне на миг показалось, что он тоже хочет туда, работать в масштабе. — Корейцев тоже из тени выводят. Хотя там тоже своей работы выше крыши.

— Если арабы с персами не устроят второй акт.

— Персы не будут. Им не нужна война. — Только, если кто-то «там» затеет, то хочешь — не хочешь, а захотеть придётся.

Разговор шёл лёгкий, неспешный — как река по камням. Мы оба знали, что это — подготовка. Что рано или поздно камни на перекате закончатся и течение ухнет в омут.

Ухнуло. Как всегда с ним — неожиданно.

— Расскажи, — сказал Яков. — Как там было?

Вроде бы и надо промолчать, а нельзя. Не с ним.

Я рассказал. Бегло — прибытие, расстановку, бой с наёмниками — или обычными бандюками — мне не доложили, кто они.

Чуть упирая на эмоциональное состояние и на пацанов, убийство сдавшихся стрелков. Нырок в эмоциональное состояние кукловода — Яков слушал на одном дыхании. Вскользь прошёл по тому, как забирал силу и жизнь.

Ощутил снова грязь, муть и горечь. Сделал глоток чая, чтобы смыть.

Помогло. Немного.

Чуть больше внимания уделил тому, как Марина боролась с Хирургом. О том, что это брат — умолчал. Вспомнил, как пытался разорвать канал, чтобы не дать ей утонуть в океане чуждой энергии.

Зверь подпрыгнул, посмотрел в глаза с какой-то тоской, что ли... Не увидел там угрозы, улёгся снова. Прядал ухом.

Яков молчал, только встал, чтобы щёлкнуть чайником и согреть ещё воды.

Я заострил на другом.

— Наш заклятый друг — Андрей... — Яков поднял бровь. Всегда завидовал этой способности, хотя мог шевелить ушами. — Он же прямо с утра примчался. Рассказал, какой враг сильный, коварный, хитрый.

— Прямо Горка и Морка — два в одном. — Хмыкнул Яков, вызвав усмешку.

— Именно. Притарабанил флешку, мол, пригодится. Это теперь мы знаем — на ней мусор. А если бы успели прочесть, пока Марат не пришёл... — Я даже не заметил, как в стакане обновился чай.

— Понимаешь, он знал, что Хирург рядом. Знал, что на такую приманку — два инициата, он клюнет. И направил нас — туда, где мы столкнёмся. Мы — под воздействием накачки. Он — противостоя нам, думая, что мы — это они.

Яков подпёр подбородок рукой. Молчал. Думал.

За окном внезапно зашелестел дождь. Мелкие капли оседали на стекле, наперегонки прокладывая путь вниз.

— В общем план внутри плана внутри плана?..

— Как-то так. Мы все планируем, а никуда не летим. Как та белка-летяга.

— А ты смешной, мы расстреляем тебя последним. — Яков искренне улыбался. Я, глядя на него, тоже растянул губы.

— То есть, — резюмируя, вас хотели столкнуть, и добиться либо взаимного уничтожения, либо уничтожения одной из сторон, либо невозможности союза.

Я замер. Последние два слова взорвали картину мира, выворачивая её наизнанку.

Яков внимательно посмотрел на меня, понял, что я за что-то уцепился, одними губами проговорил свою фразу и на последних словах приоткрыл рот в немом вопросе.

Закрыл.

— Лёш. Насколько ты веришь брату? — Я хотел было ответить, но осознал, что он не должен знать о Николае.

— Я был в тактичке. Меня и Таню пригласил Тюрин. — Лучше бы не был, Яша. Лучше бы не был...

Я взялся за голову. Он не давил, не торопил.

Дождь, полоскавший за окном, прятал в себе мои размышления и переживания. Тишина бы меня убила.

Вопрос, которого я ждал. И которого боялся. Не от Якова. От кого угодно.

Не потому, что не знал ответа — потому что знал, что ответ будет неправильным. Любой ответ.

Я пытался отделить слова от эмоций. Факты от крови. Аналитика от коровника, от шампуров и клюшки, от «сухопутному волчонку» и... Окунулся в себя и понял, что только принимал. Всю жизнь. И помощь Насте, когда брат исчез — наверное, попытка оправдаться задним числом, вернуть долги.

Попытался быть честным — перед Яковым, перед собой.

Окунулся в допрос. В эмоции, которые стояли в изоляторе, как дым после пожара. Голос Николая, его усмешка, его «побойся бога». Его глаза — карие, как у мамы. Его слеза. Его страх — настоящий, не сыгранный. Мой Зверь и его реакции. Первая... и последняя.

Ответа не было.

Дверь открылась.

Без стука. Без предупреждения. Резко, со стуком ручки о верстак.

Татьяна.

Она стояла в проёме — мокрые волосы, расстёгнутая куртка, лицо, на котором было написано всё сразу и ничего по отдельности. Я понял: она искала меня. Знала, что я здесь. Или — догадалась. Или — ей сказали. Неважно.

— Я всё знаю. — Вместо «Добрый вечер». С порога. Левого в печень. — Видела... и слышала.

Яков посмотрел на неё. Потом на меня. Не встал — остался. Это было важно: он не уступал ей пространство. Не уходил. Оставался.

Что произошло в тактичке?

Таня вошла. Не села — встала у стены. Руки скрещены на груди. Поза, которую я знал: не защита — атака. Закрытая снаружи, открытая изнутри. Готовая взорваться.

— Ты обещал больше никого не выпивать! Ты же сам тогда мага застрелил!.. Или это только потому, что свидетели были? Да? — Каждое слово било наотмашь, каждая фраза заколачивала гвозди...

Я молчал. Я действительно обещал. Но дело было не в свидетелях.

Наверное.

- Ты же мог его просто...
- Мог. Но тогда бы мы не удержали Марину.
- Ты не знал об этом! Это постправда!
- Да. Но это мой грех. Не твой, не его, не их... — я махнул головой в сторону тактики.
- И мне его искупать. — Я смотрел в глаза, полыхавшие едва сдерживаемым огнём. — И если бы не... я не узнал бы, что тем, кто успешно справляется с «добычей», продлевают жизнь новыми инъекциями.
- Это не относится к делу. Кукловоды не перестают быть кукловодами.
- Только становятся опасней и продвинутей. — Яков уже сложил два и два. — Мы, кроме информации от Петра, вообще ничего не знали об этом всём. А сейчас оказывается, что и он ничего не знает.
- Ты мне зубы не заговаривай! — Таня накручивала себя, потеряв уверенность. — Ты думаешь, что если Тюрин тебя не привлёк за то, что ты сделал, то никто не привлечёт?
- Прекрати, пожалуйста. Ты не знаешь, каково это.
- Я и знать не хочу. Я видела, какой ты, тогда, перед смертью. — Последнее слово она практически выплюнула. — Это не ты. И вот снова.
- Да. И если понадобится — опять.
- Я не знал, почему это сказал. И зачем.
- Таня вздрогнула, как будто её ударили. Она молчала. На лице застыла каменная маска.
- Я поднялся, отдал ей стул.
- Она молча взяла его. Практически рухнула.
- Я отошёл к окну. Обернулся, увидел одобряющий взгляд Якова.
- Как ты можешь об этом так спокойно говорить?
- А как он должен говорить, Тань? С прыжками и ужимками? Со слезами и истерикой? Она ступевалась.
- Ну не так явно. Он как-то отстранённо, как будто это работа такая.
- Я нервно рассмеялся.
- Работа и есть. — Яков не давал спуска. — Ты посмотри, два эпизода, и оба — по делу. Не себе, не про запас какой-то, не ноги лечил. Всё отдал, с процентами.
- А если потом решит для себя? — Таня не хотела уступать.
- А на это у него вон, сторож есть. — Он ткнул пальцем в Зверя, и я удивился тому, насколько моё альтер-эго проявлялось в реальности.
- Да. Допрос. — Она с готовностью переключила тему. Её голос задрожал от эмоций.
- Как ты можешь так относиться к близкому человеку?
- А как он должен был относиться? — Яков даже удивился. — За семь лет первый раз увидел.
- Он же ломал его, — Татьяна напирала. — Своего брата.
- Это была беседа, не допрос, — зачем-то ляпнул я. Прозвучало жалко.
- Вы — два чудовища. Один из людей их самость тянет. Второй брата ломает психологически, беззащитного, беспомощного. — Она снова совмещала в одной фразе коня и трепетную лань. — Сам вампир, а считает, что имеет право судить.
- Да какой суд? Угомонись уже. — Я пристукнул тростью о пол. — Нам нужно понимать, с чем и с кем мы столкнулись. Почему Андрей так активизировался, чем это нам грозит?
- Да какая разница. Что один — враг, что второй. Врагов нужно ликвидировать, и вся недолга.
- Яков закипал. Не хуже своего чайника.
- Ты вообще представляешь, что ты сейчас несёшь?
- Зверь резко вскинул голову в ответ на ту энергию, которую маг вложил в свои слова.

— Ты в своём припадке эмоциональной правоты, со своим желанием, чтобы счастье всем, и никто не ушёл, дойдешь до того, что...

Он не договорил.

— Как вы не понимаете? Нужно не сидеть — в дерьме ковыряться, жемчуг искать, а самим быть чище, светлее. — Татьяна уже почти кричала. Её образ сделался как будто даже не совсем человеческим. — Ты посмотри, в кого Лёша...

«Пока ещё Лёша, не Алексей», — мысленно отметил я.

— ...превращается. Он же из друга, брата, близкого человека становится функцией, инструментом. — У неё по щекам текли слёзы. — Он и других втягивает в свою орбиту.

Таня шмыгала носом.

— И другие... другие его защищают...

— А ты хочешь, чтобы как ты?.. — На них обоих было больно смотреть. — Ты хочешь, чтобы каждый человек по каждому поводу бегал за слезинку ребёнка оплакивать?

Она вскинула голову и обвиняющим тоном, глядя Якову в глаза заявила.

— Ты Марину не видел. У неё кожа серая, она сама как перо на ветру, но при этом мне заявляет, что «так было нужно». И я не могу ей ничего возразить!

— А нам, стало быть можешь? — Он сцепил пальцы между собой. — Мы, значит, должны вот этот вот поток эмоций переварить и сказать «спасибо»?

Татьяна как-то споткнулась на несказанном слове.

— А... а как же братство? Мы же вместе людей... страну защищаем. Друг друга.

Яков поставил стакан. Я даже не видел, как он его поднял. Подстаканник ударил по столу. Негромко. Но так, что все замолчали.

— Не путай тёплое с мягким

Таня осеклась. Повернулась к нему — резко, с той мгновенной готовностью, с которой разворачиваются на угрозу.

— Что?

— Мы не братство, Тань. — Яков говорил спокойно, не повышая голоса. — Мы — инструмент. Решаем задачи, поставленные руководством. Не спасаем Готэм, не носим плащи. Если завтра прикажут спасти чертей от святой воды, чтобы потребовать от сатаны услугу — пойдём. И закроем собой. Потому что такая работа.

— Это...

— Это значит именно то, что ты поняла ещё в палате. — Мне пришлось повысить голос и перевести внимание. — Я должен — и я делаю. Мне очень жаль, что с Мариной вышло именно так, я предпочёл бы менее травматичную инициацию, но, что выросло — то выросло...

— Ты...

— Я. Будет нужно — буду допрашивать брата, как бы ни хотелось выть на Луну потом. Примут решение — лично сниму браслеты, приведу к присяге. Единственно, наверное, не смогу его сам...

На мгновение в мастерской повисла тишина. Каждый договорил произнесённое слово.

Уши Зверя прижались к голове. Он лежал очень напряжённый и ждал, на что реагировать.

Татьяна вскинула руку.

— О, я знаю, что ты хочешь сказать. — Она снова переключила тему, уйдя от общего в частное. — Ты уже его выгораживаешь. Оправдываешь. «Он мой брат, я должен разобраться, нельзя судить без фактов.»

— Разве это плохо? — Яков принял удар на себя.

— Я это уже слышала. От себя. Когда я...

Она остановилась. Как будто налетела на стену.

— Когда я сдала Сашу.

Сашу, не Александра...

Тишина.

— Я сдала его, — повторила Таня. Голос ровный — той ровностью, которая стоит дороже крика. — Потому что он предал. Не меня. Всех. Нас. Тех, кого мы вместе... — Она сглотнула. — Защищали.

Яков молча пил чай. Смотрел в кружку.

— И я знаю, каково это. Каждое утро. Просыпаться — и помнить. Не то, что он сделал. То, что сделала я.

Она посмотрела на меня.

— Поэтому говорю: не тяни. Не оправдывай. Не ищи «но» и «если». Сделай — и живи с этим.

Я молчал.

Не потому что нечего ответить — потому что каждый ответ был бы неправильным. Она говорила из боли — настоящей, прожитой, невыдуманной. Из места, где побывала и откуда не вернулась. Из-за Саши, которого больше нет рядом. Из-за пустоты, которая зияет в её душе на его месте.

— Подожди. — Яков скрипнул зубами. — Ты говоришь: «сдай брата». Как ты сдала Сашу. Не «разберись» — «сдай».

Она побледнела.

— Это другое...

— Нет. Это — то же самое. Только сложнее. — Яков посмотрел на неё — прямо, без увёрток. — Признать неправоту близкого — это зрелый шаг. Тяжёлый, но зрелый. Ты его сделала. Честь тебе.

На его лице ходили желваки. Он собирался с мыслями, облекал их в форму.

— Но размыть кровь — кровные узы, Тань, — гораздо труднее. Родственников не выбирают. Друзей — да. Мужей — да. Братьев — нет.

— И что? Это оправдание?!

— Это — факт. И он должен его прожить. По-своему. Не по-твоему.

— Он уже всё решил! Будет выгораживать, искать оправдания, разбираться... Ты же слышал! Он уже как данность заявил, что готов с ним...

— Разбираться — это не выгораживать, — Яков чуть повысил голос. — Потеряв брата один раз, он имеет право попытаться понять, прежде чем судить. И как бы это не оказалось тяжелее, чем просто сказать «умерла, так умерла».

Татьяна смотрела на него — с тем выражением, которое бывает, когда человека бьют его же словами, и он не может парировать, потому что слова — правда.

— Ты не знаешь...

— Я знаю достаточно.

— Ты не знаешь, каково это — предать того, кого любишь!

Яков молчал. Секунду. Две.

— Знаю, — его негромкий голос, казалось, резонировал в комнате. И в этом слове было что-то из той или даже позатой жизни, о которой он никогда не рассказывал. — Поверь — знаю.

Тишина. Тяжёлая. Как свинец.

Таня дышала — часто, неровно. Искала слова — и не находила. Не потому что кончились — потому что каждое следующее было хуже предыдущего, и она это чувствовала.

— Ты пришла. Наговорила кучу ненужных слов. Не просто попросила высказаться и помочь тебе разобраться, а обвинила, ударила по самому больному близких тебе людей. — Я попытался открыть рот, но Яков сердитым взглядом перебил меня. — А сейчас сидишь, и ищешь оправдания, ищешь, как сделать вид, что ничего не было, потому что понимаешь неправоту.

— Яш, не надо. Не добивай...

— Помолчи, Алексей. — Он выставил ладонь передо мной и Татьяной. Повернулся к ней.

— Я тебя прощаю, но пока не извинишься перед Алексеем, — звучало как заклинание из арабской сказки, — сюда, пожалуйста, не возвращайся. — Печать наложена.

Он не повышал голос. Не вставал. Просто произнёс — и вернулся к стакану с недопитым чаем.

Запах козинак теперь казался невыносимо отвратительным.

Таня стояла у стены. Секунду. Другую.

Потом — развернулась. Шагнула к двери. На пороге — остановилась. Обернулась.

Слёзы. Не те, что текут — те, что стоят. В глазах, на краю, удерживаемые чем-то, что сильнее гравитации. Непонятость. Одиночество. Злость на мир, который заставляет выбирать — каждый раз, снова и снова. Желание защитить весь мир от него самого. И непонимание, что мир должен сам научиться защищаться.

Она посмотрела на меня.

У меня была своя слеза. Одна. Та же, что у Николая в углу глаза, — наследственная, наверное.

Секунда. Два человека, которые друг друга видят — насквозь, до дна — и не могут друг с другом согласиться.

Таня вышла. Дверь закрылась — не хлопнула, просто закрылась.

Яков допил чай.

— Знаешь, — сказал он после паузы, — она ведь права.

Я посмотрел на него.

— И мы правы...

Я не ответил.

Зверь лежал у ног. Смотрел на дверь. За которой не было уже ничего, кроме дождя.

Ночью я стоял в туалетной комнате.

Небольшая, казённая, с тем особым уютом, который бывает только в общежитиях и на военных базах, — когда пространство не твоё, но ты в нём живёшь достаточно долго, чтобы оно стало привычным.

Зеркало. Лицо — моё. Синяки от Таниных ударов — позавчерашние, желтеющие. Новые — от сегодня. Нет, от Тани — только старые. Сегодня — от себя.

Щётки в стаканчике.

Две штуки. Синяя — моя. Красная — Танина.

Я смотрел на них.

Две щётки — как два человека. Такие похожие и такие разные.

С Колей, даже когда он уже учился наши щётки тоже стояли отдельно от родительских. Я пытался вспомнить цвета. Почему-то это было важно.

Не мог.

Зверь сидел на пороге. Смотрел на меня. Не с укоризной — с ожиданием. Как будто ждал, когда я перестану гипнотизировать пластик и пойду спать.

Я не шёл.

Стоял и смотрел на щётки — синюю, красную. И думал о том, что завтра нужно будет снова войти в изолятор. Снова сесть напротив брата. Снова задавать вопросы, ответы на которые — каждый, без исключения — будут делать мир чуть темнее.

И снова — ломать.

Потому что такая работа.

Но лучше бы нет.

Я выключил свет.

Лёг.

Вырубился.

Глава 3

Утро началось с сообщения. Я ещё не проснулся даже.

Экран коммуникатора — холодный, спящий в полутьме — высветил строчку от Звягинцевой: «До обеда свободен. Горячев запретил. Не спорь.»

Я не стал спорить. Не потому что согласен — потому что спорить с Горячевым бессмысленно, а спорить со Звягинцевой, которая транслирует Горячева, — вдвойне.

Значит, брат пока не готов.

Я поймал себя на мысли, что подумал именно «брат», а не «Николай» или «Хирург». Неужели Татьяна была права, и я уже внутренне оправдал его? Или так и должно быть?

Экзоскелет встал на место привычно, как старый друг, которого не видел пару дней. Щелчки защёлок — как завязывание шнурков. Жужжание сервоприводов — роднее, чем стук трости. Камуфляж — вместо кителя. Вместо ботинок — размещённые на разных уровнях подставки для ног.

Липучки датчиков. Зелёные огоньки светодиодов. Нормальность, возвращённая через одежду.

Праздники прошли — нас догнали будни.

Парадную форму, использованную один раз, отнёс в чистку. Приёмщица — женщина лет пятидесяти, из тех, кто при любом режиме будет стоять за стойкой и принимать бельё, — взяла китель двумя пальцами. Посмотрела на рукав. На бурое пятно. На меня.

— Рукава можно было бы и закатать, — пробурчала она. Посмотрела на перевязанную руку и едва слышно, но с прицелом на публику, добавила, заполняя квитанцию. — А ты потом выводи.

Я чуть не рассмеялся. Ситуации меняются — маги, кукловоды, братья в изоляторе — а сфера услуг стоит незыблемо — островок стабильности. Якорь в шторм. Спасибо ей за это.

Завтрак в столовой был шумным — утренняя смена, голоса, звяканье посуды, кто-то смеётся у раздачи. Обычный гул, в котором можно раствориться. Я сидел, ел омлет и сосиски, грыз нарезанный дольками огурец и болгарский перец, пил чай и слушал чужую нормальность. Не участвовал — впитывал. Как губка, которая пересохла и теперь берёт всё, что дают.

Умиротворение. Странное слово для военной базы. Но — оно.

После завтрака — общая комната для занятий. Сейчас пустая, тихая, с длинным столом и стульями вдоль стен. Здесь писали рапорты, проводили разборы, иногда — просто сидели.

Кофемашина оказалась без воды, некому было долить, и я сходил за свежей бутылкой. Не то, чтобы очень хотелось кофе, но нужно было собраться с мыслями.

Самое то.

Стаканчик парил ароматом. Вкус оказался так себе.

«Магический аромат жжёной резины», — память услужливо подсунула шутку из той, старой жизни. Поставил себе зарубку — сказать снабженцам, чтобы поменяли сорт.

Взял писчие принадлежности. Подивился, что среди прочих лежала перьевая ручка и пузырёк чернил для заправки. Интересно, чьё?

Сел писать.

Не рапорт — отчёт. Свой. Личный. То, как я видел события в посёлке. Не Маратов взгляд со стороны на магическую подоплёку, не то, что написали Полуян, Ильяс и другие бойцы, не отражение атаки молодыми магами — надо не забыть пожать им руки отдельно, от себя лично — мой.

Прибытие, дом, семья, взгляды. Расстановка, слова Марата о шарящем взгляде. Столкновение — стрелки, действия парней, тактическая оценка, убийство сдавшихся, реакция... реакции... Кукловод — слияние сознания, поверхностное, конечно, на уровне эмоций.

Выпивание — грязь, муть, горечь, стыд. Приход Хирурга. Марина на крыльце. Атака. Связь. Молния из земли в небо и обратно. Океан, который хочется вместить. Разрыв связи. Стигматы.

Писал и заставлял себя не редактировать. Не причёсывать. Не делать красиво. Не оправдываться. Не врать себе. Просто — как было. Что чувствовал.

Отдельным пунктом: Считаю необходимым проверить о возможности продления жизни драйвера за эффективную «добычу».

Подумалось: драйверы, которым платят временем и «прокачкой», мотивированные расходники. Чем мы отличаемся от них?

Тем, что нам не платят.

И мы не расходники.

Запечатал. Передал через Юрия — молчаливого адъютанта. «Здравия желаю, товарищ майор», «Так точно, товарищ майор», «Всего доброго, товарищ майор».

Маленький прокол.

Я внутренне улыбнулся. Как будто подсмотрел за ним в замочную скважину.

В коридоре столкнулся с Женей.

Она шла навстречу — с документами, как всегда, в своём ритме, в своей орбите. Увидела меня — и что-то в её лице изменилось. Не резко, не демонстративно. Просто — она чуть замедлилась, взгляд задержался на секунду дольше. И в нём было что-то, чего я раньше не видел.

Не страх. Не осуждение. Что-то... как будто она пересмотрела меня. Как пересматривают знакомую картину в музее — ту, мимо которой ходил сто раз, — и вдруг замечаешь деталь, которая всё меняет.

— Доброе утро, — сказала она. Как всегда. Но не совсем.

— Доброе, — ответил я. Как всегда.

Она прошла мимо. Я смотрел ей в спину и думал: Татьяна? Яков? Или что-то раньше? Она же видела записи. Наверняка была рядом, когда мы вернулись. Видела, как метался Зверь. Видела стигматы.

Или — что-то ещё. Что-то, чего я пока не знаю.

Или не надо узнавать.

Отложил. Ноги — послушные экзокопыта, успокаивающе правильно жужжа, — сами несли к ангару.

Полигон гудел.

Не боевым гулом — рабочим, тренировочным. Звуки разрядов, приглушённых защитой стен, звон поднимающихся мишеней, чьи-то команды, смех — да, смех, здесь смеялись, и это было правильно.

Я остановился у входа. Поздоровался с курящим у дверей Дёминым. Поднял брови, в ответ на очередной раскат смеха. Увидел нетипичное для майора разведение рук, мол, а что я сделаю.

Сделать он мог многое, но раз не захотел, то кто я такой, чтобы давать ему указания.

Дал себе секунду — привычка. Вошёл, как нырнул.

Сразу знакомые лица. Леонид и Святослав — Лёлек и Болек — отрабатывали в паре, перемещаясь вдоль огневого рубежа с оружием в руках.

Я даже остановился посмотреть. Два предыдущих дня явно прошли у них не напрасно. Они по очереди стреляли из автомата, сбросив щит. Второй в паре прикрывал магией. Или наоборот?

Тяжелый и лежащий АШ-12 был явно не для подростковых рук, но упорства им было не занимать. В какой-то момент стало понятно, что нужно их прервать, и я попросил дежурного офицера остановить стрельбы.

Подождал, подождет, пока разрядят и сдадут оружие. На удивление процесс был выполнен пусть и не на пятёрку, но четыре с плюсом — заслуженная оценка.

Поздоровался, искренне протянув руку для приветствия. Оба с воодушевлением её пожали. Им явно хотелось рассказать о своей придумке, но они ждали, что я спрошу.

Я спросил, но прежде всего поблагодарил за службу и ещё раз крепко пожал руки. Пацаны засияли. Хотя, конечно, тень пробежала по их лицам. У Лёни сильнее, у Славы — мельком. Я понял, о чём они, но не стал развивать, вместо этого спросив, что же они такое отработывали.

— Понимаешь, мы тут решили взять на вооружение идеи Бориса. — Лёлек махнул рукой на фигуру чуть в сторонке. — Ну, о том, что магия — проекция воли.

— И-и?

— Ну пока совсем в голове не получается представить, чтобы просто навести разряд так, чтобы между руками разность потенциалов сформировать. — Лёня начал частить, пытаясь поскорее передать свою мысль. Но зато у нас получилось синхронизироваться.

— Да, — подхватил Слава. — И мало того, руки свободные. Вот, смотри. — Он повернулся в сторону мишени, между ним и металлическим болваном возник тонкий разряд. Дзынькнуло и в воздухе рядом с нами ощутимо запахло озоном.

— И вы решили их занять? — Я засмеялся.

— Ну да, чуть обиженно продолжил парень. Но враг-то не будет ожидать. А тут хлоп, и защита пробита.

— И от нулей теперь сможем отбиться. — Лёня со злостью напомнил о сцене в гаражах.

— Ну, я должен сказать, что звучит заманчиво.

— Вот! И Дёмин нам то же самое сказал!

— Ребят, я даже не буду спорить. Но, я вас очень прошу. — Они с вызовом посмотрели на меня, готовые к любому повороту. — Не манкируйте учёбой. — Кроме этого.

— Да мы не манкируем. Но надо же тренироваться. Правильно? А то какую мы поддержку окажем?

— Ребят, я очень прошу подойти к вопросу со всей серьёзностью. Если нужно, приходите — помогу составить графики.

— Да нам уже Дёмин пообещал. — Их тон говорил о том, что они надеялись найти у меня поддержку, а эти скучные взрослые сговорились об одном и том же.

Я смотрел на них и думал, что если завтра магия исчезнет, как появилась, кому мы станем нужны? И у кого есть какая специальность для мирной жизни?

Выходило... так себе.

Поговорили ещё немного, ни о чём таком, просто два подростка и взрослый... взрослый ли? мужчина. Расстались с явной их неохотой, но на меня уже поглядывал с нетерпением Борис, руливший небольшой группой.

Он стоял на небольшом возвышении, с блокнотом в руках, что-то записывал. Рядом был Родион — у стены, разминал руки, наверное, что-то демонстрировал, пока я был занят с парнями. Марат — в центре, негромко что-то объяснял.

Рядом с ним — девушка. Высокая, тёмноволосая, больше похожа на отца, чем на мать. Я вспомнил, что в интернате именно она с Маратом была в числе инициаторов. На базе она мне не попадалась, но сходство бросалось в глаза. Вроде бы зовут Алиа. Ещё не раскрылась.

Она стеснялась — это было видно по тому, как она стояла: чуть за отцом, чуть в тени, как будто пряталась, не прячась. Чуть резковатые черты лица, чуть раскосые глаза, чуть зауженный подбородок. Лиса среди волков.

Ну ладно — волчат. Лисёнок.

Марина — рядом с Родионом, странно, что не заметил сразу. Я посмотрел на неё — и задержал взгляд.

Лицо — не серое, уже нет. Розовеет, медленно, как рассвет, который не торопится. Но до нормального цвета — далеко. Как будто тело ещё только вспоминает, каким было, и не может вспомнить до конца. Руки — в длинных рукавах, спрятаны. Но на тыльной стороне кистей тонкие отчётливые чёрные нити. Росчерки безумного каллиграфа. Её чистовик к моему наброску.

Нет. Ей не нужно лечение. Ей нужна жизнь. Смех за обедом. Братья рядом. Козинаки у... у кого-нибудь. Кто-то, кто скажет глупость, и она улыбнётся — не потому что смешно, а потому что живая. Нормальность, которую приёмщица в прачечной хранит, не зная об этом.

Рядом с Мариной, по обе стороны, жались братья. Бледные, настороженные, с тем выражением, которое бывает у детей в новой школе: хочется убежать и остаться одновременно. Никто не гонит, но и самим страшновато.

Михалыч слушал вполоборота, сам — без Веры. На мой немой вопрос — взглядом, поверх голов — ответил:

— Учится. Как закончит — прибежит. — Он чуть улыбнулся. — Не удержишь.

Ещё один глоток нормальности. Неизменности якорей, которые держат в этом мире.

Марат подошёл первым. Я не хотел его прерывать, но он увидел, остановился. Махнул в сторону Марины с братьями.

— Мать пацанов пошла к руководству. Хочет перевезти всю семью. — Помолчал, помогая себе руками. — Боятся, что младшие тоже иницируются. Идея, конечно, здравая, но там дом справный, мне такой жалко было бы бросать.

Я хмыкнул.

— У нас тогда вообще не база получается, а гибрид борделя с детским садом.

— Исторически, — невозмутимо заметил Михалыч, — оно так всегда и было. Военные городки, гарнизоны. Семьи, дети, школа, клуб, медпункт. — Марат кивал в такт словам. — Только без магии. А резон — в том, что людям нужен дом. Даже если дом — казарма.

Я посмотрел на него. Старик стоял, опираясь на трость — свою, деревянную, так похожую и непохожую на мою, — и говорил о доме с интонацией человека, который свой потерял. И нашёл — здесь, среди чужих детей и чужих камней.

— Правда, регламенты придётся менять, — добавил он. — И всё остальное. Но я очень рад, что это не моя проблема.

«И не моя», — подумал я.

Или и моя тоже?

Маги собрались вокруг Марины и братьев не просто так. И хотя для неё это было почти что испытанием, но уйти она тоже не могла.

Им было всё интересно. Они хотели понять, как она создала канал, почему «заморозка», а не что-то иное, похоже ли переливание силы на то, как они подпитывают Якова или на то, что делают Артём, Настя и команда.

Вопросов было много. И, хотя, на первый взгляд, ангар-полигон — не лучшее место для академической работы, но основание это под собой имело здоровое: лучше уж тут что-то прозойдёт, чем в крыле, где много людей.

Я поинтересовался у Бориса, мол, как вы без Якова обсуждаете его технологию работы с подпиткой? На что получил ответ, что у него своей работы — за уши не оттащить, Толик там крутится — не выгонишь, и оба такие загадочные, что не подойди. А с другой стороны, с Яковым почти все работали уже, поэтому примерно представляют, каково оно, делиться силой.

Резон в его словах был. Однако же, что-то было не совсем так.

— Стоп, а Настя?

— С ранеными. — Родион, скривился, как от лимона. — Ночью Татьяна и Кирилл две группы водили на перехват.

В груди кольнуло. Перехватило дыхание.

— Что?

— Вылетали на сигнал, как-то невнятно всё получилось. Прибыли поздно — их ждали. Три полных стаи, больше двадцати пяти нулей. Инициат...

Он не договорил. Вздыхнул. Склонил голову.

Уголок губ подёргивался.

Зверь поднял голову. Медленно, тяжело — как будто каждое движение стоило усилия. Посмотрел куда-то — не на людей, не на стены. Туда, где нет направления. И завыл.

Не боевой вой. Не угрожающий. Тихий, низкий, долгий — поминальный. По тому, кто не успел стать своим. Кто был — почти. Кто мог бы стоять здесь, в этом ангаре, среди этих людей. И не стоял. Не будет.

В ангаре стало тихо. Все — все — замерли. Не от страха.

Они видели его.

Не целиком — тень. Силуэт. Контур, который мерцал на границе восприятия — как отражение в витрине, которое видишь краем глаза и теряешь, когда поворачиваешь голову. Но — видели. И слышали — не ухом. Тем, что внутри ищет отклик и находит.

У Марины — замирание. Рука, поднятая к горлу, — произвольно, как при нехватке воздуха.

У Бориса — гусиная кожа. От кисти до локтя.

У братьев — страх и притяжение одновременно. Два мальчика, которые хотели отступить и не могли. Не от силы — от того, что вой говорил правду, которую каждый из них чувствовал, но не умел назвать.

Зверь затих. Лёг. Опустил голову на лапы.

Щенок, который скулит по чужому мертвецу — и этим скулежом связывает живых.

Михалыч перекрестился. Тихо, привычно — жест человека, для которого это не ритуал, а дыхание.

Прервал молчание.

— Уже всех подлатали. Сейчас, когда освоили совместную работу — всё лучше и быстрее получается. — Он обратился ко мне. — Настя с Леной ещё работают, косметику наводят, сам знаешь — перфекционистки. — Он выговаривал слово практически по слогам, чем невольно вызвал лёгкие смешки. Подозреваю, что именно за этим и старался. — Скоро Артём подойдёт, если успеет отдохнуть.

Он говорил спокойно — как говорят о деле, которое сделано. Не безразлично — профессионально. Боль — внутри. Снаружи — работа.

Я кивнул. Принял. Хотя вопрос о Татьяне остался невысказанным.

И без ответа.

Но я понимал, что Михалыч бы не забыл... Значит, отдыхает. Значит, всё нормально.

— Так, давайте соберёмся. — Борис на правах «кто первый халат надел — тот и доктор», вернул всех к делу. — Давайте... попробуем.

Марина выпрямилась. Посмотрела по очереди на братьев. Налево, направо — тихо, без давления. Опустила вниз руки, до этого беспокойно скрещенные на груди, потянулась — как тогда, на крыльце. Только сейчас — не в ярости, не в ужасе. Осознанно. Спокойно. Прикрыла глаза, концентрируясь.

Мальчишки переглянулись. Переступили с ноги на ногу. Протянули руки — неуверенно, как трогают воду в незнакомом озере.

Между ними что-то мелькнуло — тонкое, едва заметное, скорее на тонком уровне. Нить. Связь. Канал, который пытался открыться.

Зверь вскочил, принялся. На этот раз на него внимания не обратили.

Канал вспыхнул — на грани восприятия — погас.

Марина дёрнулась. Попробовала снова. Руки — напряжены, пальцы растопырены в попытке воспроизвести ситуацию «добуквенно». Лицо — сосредоточенное, побледневшее.

Зверь шевельнулся — рефлекторно, как тогда. Почувствовал какие-то эмоции? Потянулся к ней. Я положил руку ему на загривок. Мысленно — но он почувствовал.

Сидеть! У меня нет излишков и взять негде. Это опыт. Она должна сама. И должна будет сама разорвать.

Короткие предложения. Рубленные слова. Тон, а не речь. Он должен понять.

Зверь лёг обратно. Неохотно, но лёг.

Нити вспыхивали — и гасли. Раз, два, три. Марина тянулась — братья отдёргивались. Не физически — внутренне. Как от горячего. Как от провода под напряжением.

— Не идёт, — тихо сказал Родион.

Марат наблюдал. Закрытые глаза — смотрел не ими. Открыл. Покачал головой.

— Противодействие, — вынес он вердикт. — От пацанов. Тогда она — требовала, молила, нуждалась, и они не знали, что происходит. На инстинктах, эмоциях подключились жёстко, как рубильником. А сейчас — они ищут штекером гнездо на задней панели, а пальцы дрожат, боятся, что током «дзызнет». — Местечковое словечко было понятно без перевода и много лучше подходило, чем обычное «ударит». — Намеренно промахиваются.

Я посмотрел на ребяташек.

— Страх... — они с вызовом ответили, пытаясь показать, что вовсе и не страшно, но подрагивающие веки говорили об обратном.

— Страх, — подтвердил Марат. Он тоже видел реакцию мальцов.

Борис почесал затылок.

— Марина сейчас как протозвезда — коричневый карлик. Масса вроде бы и есть, но для термоядерной реакции условий не хватает. Дальше бы пошло, но надо что-то сдвинуть.

— Не сдвинуть, — сказал я. — Понять.

Все посмотрели на меня.

— Тогда у Марины была другая эмоция. Ярость. Злость. «Тварь!» — помнишь, Марат? Она не просила — она кричала, требовала. И они откликнулись не на просьбу, а на крик. На страх за сестру. На ту боль, которую она транслировала, на опасность, грозящую... — Я замолчал. Подобрал слово. — Их человеку.

Я помолчал. Дал несколько секунд уложить в головах идею.

— А сейчас — полигон, свет, люди. Никто не нападает. Никто не угрожает. И она не кричит — она тянет. Методично, спокойно, правильно. Всё правильно — кроме одного: нет запала, нет угрозы, нет вспышки.

— И что делать? — Лёня. Подошёл удивительно вовремя. Задал правильный, практичный вопрос.

— Прекратить. — Очень не хотелось давить. Постарался как мог, сказать без нажима. — Сейчас — прекратить. Не ломать никого. Общаться. Втягивать в орбиту. Дать понять, что они под защитой, что никто не будет делать им больно. Что прошлый раз — остался в прошлом. И только потом — работать. — Я помолчал, вспоминая слова генерала. Ему можно ставить нас в жёсткие условия. Мне — нельзя, у меня Зверь. — Обеспечить доверие и понимание.

Тишина разлилась как молоко по столу. Казалось, от меня расходится сфера, где нет лишних звуков.

Михалыч смотрел на меня. Долго. С тем выражением, которое было у него, когда я тащил его помогать Насте, Лене и Артёму. Когда говорил, что понимаю, чем это грозит ему. И не прятался за словами.

— Растёшь, — кивнул он мне.

Потом повернулся и пошёл к выходу, почти не опираясь на трость. У двери, прорезанной в массивных воротах, обернулся.

— Когда внушка учёбу закончит, — он махнул тростью, кончиком вычертив какую-то фигуру, — придём. Вместе.

Вышел с прямыми плечами.

Марина опустила руки. Узор за время попыток построить связь налился тёмным. Как будто прорезались новые линии. Или мне только кажется?

Надеюсь, кажется.

Посмотрела на меня — и я увидел в её глазах что-то, для чего не нужны были слова. Не благодарность — узнавание. Она поняла, что я сделал. Защитил её братьев. От неё. От её «так нужно», которое могло бы сломать двенадцатилетних мальчишек ещё раз. На этот раз — по настоящему. Насовсем.

Одними глазами — спасибо.

Я кивнул. Одними глазами — не за что.

Народ понемногу расходился. Не то, чтобы было больше нечем заниматься, но как-то у всех нашлись дела.

Братья ушли первыми — облегчённо, быстро, как выпущенные из клетки. Марина — за ними, но не сразу. Постояла. Посмотрела на свои руки — на тонкие чёрные нити. Потом — на братьев, уходящих к открывающимся воротам, в которые заезжал грузовик с чем-то габаритным, торчащим из кузова.

Кивнула. То ли нам, то ли своим мыслям. Незаметно исчезла.

Лёня и Слава переглянулись, посмотрели на меня и бросили пальцы на камень-ножницы-бумагу. Проиграл Лёлек. Он подошёл ко мне, сказал, что они поняли важность учёбы, но просят не отстранять их от тренировок и боевых выходов.

Я протянул руку, без улыбки, как равным. Зверь, копируя мой жест, поднял переднюю лапу. Выглядело уморительно. Один из парней не выдержал, засмеялся.

Родион ушёл молча. Его душа для меня была всё ещё потёмки, но раз он допущен до занятий, тренировок, обсуждения нового... и старого тоже — Тюрину видней.

Алия задержалась, стояла рядом с отцом, вслушивалась в разговоры, поглядывала на Бориса, делающего заметки в блокноте. Тот не замечал — не до игры в гляделки.

Марат остался.

— Хорошо, что все разошлись, — обратился он к нам, когда в ангаре утих гомон, только грузчики гремели железом в кузове машины, и кто-то запустил принудительную вентиляцию, чтобы продуть остатки дыма и угара перед следующими занятиями. — Хотел с вами одну мысль проговорить, пока людей немного, и чтобы никого не зацепить. Ну и без балагана. — Едва заметная улыбка тронула губы его дочери.

Я напрягся. Если бы Борис что-то предложил или кто-то ещё — было бы не так неожиданно. Приглашающе махнул рукой.

— Я тут попытался прикинуть, — начал Марат, — сколько энергии Марина потратила в бою. Грубо. По тому, что я чувствовал. — Он упирает на «я», чтобы обозначить субъективность, приглашая нас к диалогу и возражениям.

— И? — Борис напряг лоб, пара морщин, как дополнительные извилины. Встал в стойку.

— Не сходится. Вообще. — Марат потёр лоб. — Я — тренер. Я знаю, что такое человеческое тело. Его возможности и ограничения. Знаю, сколько калорий в сутки, знаю, как они распределяются.

— Дебет-кредит? — Мне нужно было чуть-чуть пространства, чтобы понять, к чему он клонит.

— Угу, сдал-принял-опись-протокол. — Марат процитировал героя фильма. Борис и Алия синхронно улыбнулись. — Три, пускай пять тысяч килокалорий...

— ...угу, два мешка брюквы, — теперь была моя очередь цитировать старые шутки. Молодежь не оценила, а вот наш тренер дал понять, что моя мысль движется в правильном направлении.

— В общем, это максимум, что можно впихнуть с едой. Распределяем это всё на работу, которую организм выполнит за день. Плюс на сон, на восстановление, на базовый метаболизм и т.д.

— Спортсмены? — Борис параллельно считает в голове. — Тяжёлая работа? Там же больше.

— Больше, — согласился Марат. — Но даже суперспортсмен в пике — выдаст максимум киловатт. Разово. С огромным откатом. Футболист на полной выкладке, спринтер на стометровке. А в обычном режиме — семьдесят, девяносто, сто пятьдесят ватт полезной работы. Мозг — двадцать процентов от всего, тридцать ватт на протяжении дня.

Он помолчал, давая время переварить мысли.

— Эмоции — в мозгу. Биохимия. Нейромедиаторы, гормоны, электрические импульсы. Всё — в пределах этих тридцати ватт.

— А то, что сделала Марина... — начал я.

— Именно. За гранью. — Марат кивнул. — Далеко за гранью физиологии. Она замораживала воздух. Останавливала движение молекул. Рассыпала людей в кристаллическую пыль. Мгновенно. На это нужны... — Он посмотрел на Бориса. — Сколько?

Ручка в руках Бориса давно остановилась, но сейчас он начал чёркать. Задумывался на мгновения, шевелил губами. Что-то считал в голове, писал на листке, ставил стрелки. Остановился, покачал головой.

Заново лихорадочно чёркал ручкой, спешил. Глаза горели, как будто он подпитывал ручку магией, чтобы писала быстрее.

— Сумасшествие. Даже один человек, девяносто килограмм, семьдесят процентов воды, считаем только её. — Он шептал, потому что явно был поражён своими выводами и сейчас проверял результат, озвучивая нам ход рассуждений. — Триста десять градусов разницы. Пусть триста. Плюс-минус восемьдесят мегаджоулей. Это я фазовые переходы не считаю.

— Вот, — сказал Марат. — Именно.

— Подожди. — Борис поднял голову. — Она это сделала за секунду, максимум две, да?

— Пусть будет две.

— Сорок мегаватт. И это только на одного. И только вода. А их было шесть... Мать Божья...

Алия сжала руку отца, которую нащупала почти инстинктивно. Прижалась к нему.

Борис что-то лихорадочно черкал, вырвал лист, не переворачивая его. Обвёл нас взглядом.

— Если, — это слово прозвучало по буквам, — если это всё так, то это в корне меняет наши взгляды. Мы — не источники, мы — инициаторы. — Его голос дрожал. — Детонаторы. Как нейтронный запал в ядерной бомбе. А реальная энергия — чужая... заёмная?

Марат смотрел на Бориса. Со смесью некоего гордости и восхищения. С тем особым взглядом тренера, который видит, как его ученик с нуля, без лишней подготовки, смог не просто выполнять обязательную программу, но и прошёл много дальше. Дальше, чем сам тренер смог бы в лучшие годы.

Его дочь что-то уловила в отце, посмотрела на него. Поймала взгляд, направленный на молодого мага, перевела свой.

Несмотря на сильное потрясение, Борис выглядел воодушевлённым, чувствовалось, что он сам счастлив от того, что он может. Выражение лица Алии стало напоминать отцово.

Борис не заметил.

— Именно, — Марат кивнул. — Что, если вы все — и ты, Лёш, и Марина, и Лёня со Славой — используете один и тот же источник? Но немного по-разному. Вы — разово, импульсно. Рывок, вспышка, откат. А она — через создание канала. Удерживая его открытым.

Борис присел, опёрся на одно колено, не боясь испачкать одежду. Провёл пальцем по пыльному полу. Получилось отчётливо. Отложил блокнот и ручку. Начал рисовать.

Палочки, кружок — фигурка человека.

Я вздрогнул. Верочкины палочки — палки, круги, человечки с чёрточками. Она рисовала так же, когда пыталась объяснить, что видит. Совпадение? Или — язык, который одинаков для всех, кто смотрит в ту сторону.

Или я накручиваюсь, и просто так быстрее?

Зверь смотрел на меня. Заметил мой взгляд. Моргнул, отвёл голову.

Под человечком линия — земля. Над человечком — горб. Линия, выгнутая вверх. Сверху ещё одна — условное небо, но не небо.

— Поле, — прокомментировал Борис. — Разность потенциалов. Как с молнией — заряд копится, пока не пробьёт.

Над горбом — от той прямой, которая «не небо», ниже — ещё одна кривая. Прогиб вниз.

— А это что? — Девичий голос, мягкий и журчащий.

— А это я могу сказать, — Борис посмотрел на меня, он ожидал ответа Марата. В голове всплыло старое воспоминание. — Когда Толик инициировался. В подъезде. У меня было ощущение... как будто натяжной потолок провис. Набрал воды из протечки и вот-вот лопнет.

— Сверху — давит. Снизу — пучит. И между ними — мы. — Марат подвёл итог.

— Отлично. Вы поняли! — Борис обрадовался. Провёл ещё две линии — вертикальные, через обе кривые, закрасил между ними. — Вот. Пробой. Маг — эмоциональной накачкой — либо продавливает свой горб вверх, либо притягивает тот, верхний, вниз, я не знаю. Но явно происходит какой-то контакт. Происходит разовый сброс энергии, часть которой утилизируется или направляется магом...

— Та самая «проекция воли»? — Мне стало понятней, почему маг может вызывать проявление не только бросая огненный шар, но и формируя его в месте цели. И понятно, почему расстояние ограничено.

— Да! Да... Затем канал закрывается, разность потенциалов восстанавливается, становясь опять слишком большой для пробоя. Откат.

— А если не разовый сброс? — Алиа просила продолжать.

Борис посмотрел на неё как на говорящую черепаху. Потом — на рисунок. Провёл ещё несколько линий, изменил форму — соединил горб и прогиб, замкнул в фигуру. Стало похоже на гиперболоид вращения.

— Если эмоция постоянная — сильная, непрерывная, подпитываемая — канал не закрывается. Фигура становится квази-стабильной. Как арка — держится, пока есть давление с обеих сторон.

— Марина, — прошептал Марат.

— Марина, — подтвердил Борис.

— И тогда возникает вопрос...

Он не договорил. Не нужно было. Мы все поняли одновременно.

Как разорвать поток.

Или — как его удержать.

Или — куда применить.

Тишина.

Зверь, лежавший у моих ног, поднял голову. Не резко — медленно, с усилием. Посмотрел на рисунок в пыли — на палочки, кривые, человечка. Конечно, он не понимал линий и формул.

Но он чувствовал — то, что нашли эти люди, то, что нарисовали на полу, — было чем-то большим. И не обязательно хорошим.

Заскулил.

Раздражённо. Не жалобно — именно раздражённо, как собака, которую тянут туда, куда она не хочет. Не отказывалась — скулила. Транслировала то, что чувствовала. Или — то, что чувствовал я, но не мог выразить.

Я смотрел на Зверя.

«Ты тоже не знаешь, да?»

Он не ответил. Положил голову на лапы. Прикрыл глаза. Но уши — не расслабились. Стояли. Слушали.

Борис медленно встал с колена. Отряхнул штанину, потом руку.

— В ящике Пандоры, — сказал он тихо, — мы только что нащупали что-то новое.

Он покрутил кистью, иллюстрируя. Пальцы были чересчур расставлены. Он произвольно показал, что они не в силах удержать найденное.

— Слишком новое, — добавил Марат.

Я смотрел на рисунок в пыли. Он резал сознание, впиваясь в мысли как колючий ветер над тем безбрежным океаном энергии, который виделся мне тогда на стыке реальности и нереальности.

Палочка. Горб. Прогиб. Человечек между ними. Верочкин почерк — или Борисов. Или — общий, для всех, кто смотрит туда, куда смотреть не следует.

Пыль на полу ангара. Линии, которые нужно стереть. Мысль, обретшая телесность.

Мы молчали.

У ворот из кузова выбросили на пол последнюю железяку... И в наступившей тишине — только гул вентиляции. И скулёж Зверя, который уже затих, но оставался эхом, отражающимся в лабиринтах подсознания.

Как предчувствие.

Глава 4

Звягинцева написала в два пополудни: «Горячев дал добро. После обеда. Жду.»

Три коротких предложения — и день обрёл новое направление.

И я тоже.

Обедал — торопился. Куда, зачем? Сам не пойму.

Тело решило само. Приходилось останавливаться волевым усилием. Так, наверное, выглядел бы Зверь, если бы его морили голодом неделю. После практически выпитой тарелки щей к жаркому подступил уже рассудительно. Благо, за стол сели незнакомые парни с обветренными лицами. Коротко переговариваясь о работе, они давали ощущение приземлённости.

Так бы и дальше.

Компот, два квадрата печенья. Более, чем достаточно.

Полчаса на усвоение, и можно двигаться.

Вернулся к себе. Снял куртку, штаны, пошитые по индивидуальным меркам — ещё один бонус от системы, чтобы экзокопыта не торчали наружу. Принялся расстёгивать липучки датчиков и креплений. Медленно — спешка здесь противопоказана. Осмотрел раму на предмет трещин, сколов.

Всё в порядке.

Привычно нажал нужные защёлки, сдвинулись штифты, выпуская меня из экзоскелета.

Понял, что забыл взять ботинки из шкафа. С каким особым ощущением проделал обратные операции. Не хотел менять уют панциря на холод внешнего мира.

Три шага, сопровождаемые лёгким жужжанием. Привычным, надёжным, правильным. Тем самым, которое делает из калеки — человека. Из хромца — ходячего. Из майора с тростью — боевого офицера.

Я смотрел на шкафчик. Долго не решался открыть.

Взял ботинки, которые стояли внутри. Убирал их, чтобы не маячили, чтобы не напоминали...

Правый — плюс девять. Левый — плюс два. Тяжёлые, грубоватые, честные. Ненавистные.

Вчера я шёл к пленнику в кителе. Сегодня — в обычном безликом комке.

Вчера шёл на допрос. А сегодня?

Вчера я стоял силуэтом — свет за спиной, тень на полу, погоны, орден, система. Пленник видел кого?

Функцию. Офицера, который пришёл допрашивать.

Сегодня... сегодня он должен — обязан — увидеть брата.

С кривыми ногами и тростью.

Сегодня придёт не майор Топорков.

Лёшка.

Подожёл к кровати. Снова разоблачился. С чувством потери отставил экзоскелет — не забыть подключить к зарядке. Ноги — голые, разные, неправильные с красными пятнами от присосок датчиков — надо сказать ребятам, чтобы проверили — свесились с кровати.

Не слишком ли много уделяю внимания самокопанию? Настя сейчас бы сказала, что-нибудь едкое. И была бы права.

А кто ей потом будет говорить?

Натянул штаны — вторые, которые только для меня. Носки — новые, вчерашние, которыми кто-то озаботился, в стирке. Ботинки.

Правый — ногу внутрь, затянуть, проверить. Компенсация, которая никогда не станет равенством. Левый — проще, быстрее. Надевал их, как натягивают маску.

Покривился сравнению.

Бесит. Бешу... Сам себя...

Встал. Качнулся, выправил баланс, тело быстро вспоминает, перенастраивается. Секунда. Две. Поймал.

Трость из шкафчика. Привычная тяжесть в ладони. Стук по полу — глухой, керамопластовый наконечник, вечный. Шаг, другой, стук. Новый ритм...

«Мальбрук в поход собрался.» — Милое подсознание, что бы я без тебя делал?

Дверь ощущалась дальше, чем на самом деле.

Зверь смотрел на меня с порога. Наклонил голову — как щенок, который пытается понять, зачем хозяин снял удобное и надел неудобное. Потом — что-то сообразил. Или почувствовал. Встал, потянулся. Пошёл слева, подставляя загривок.

Маргарита уже ждала у входа в административное крыло. Пар вырывался изо рта, но шапку или фуражку упорно не хотела надевать. Увидела меня — и чуть сощурилась. Оценила. Поняла.

Не прокомментировала.

— Привет.

— Готов? — напряжена, сжата как пружина.

— Идём.

Коридор к изолятору — тот же. Антисептик, панели, свет. Только я теперь чуть другой. Все другие.

Пост охраны. Прапорщик. Подчёркнуто нейтральное лицо. Талончик. Зелёный.

Щелчок замка, как лязг затвора.

Открыл дверь. Вошёл, не задерживаясь.

Николай повернул голову. Увидел меня, провёл взглядом по фигуре. Чуть усмехнулся.

— Не при параде сегодня? Такой важный был...

— Как видишь.

— Почему?

Я сел. Прислонил трость к прикроватному шкафчику. Посмотрел на него.

— Потому что ты — мой брат. И я хочу, чтобы ты разговаривал с братом. Не с офицером ФСБ.

Он молчал. Смотрел на меня — долго, внимательно, как смотрят на человека, которого не видели семь лет и пытаются понять, сколько от прежнего осталось.

— Лёшка, — сказал он наконец. Тихо. Почти нежно. — Ты был и тем, и другим. Всегда.

Маргарита стояла у двери, не мешала. Сама или по приказу — бог весть.

Подошла, передвинула стул, села, пультом подняла спинку. Как вчера.

— Здравствуйте. Извините, не знаю Вашего имени.

— Маргарита... — звон битого льда заполнил изолятор. — Семёновна.

— Очень приятно. — Честно. — Николай.

В его словах и глазах не было ни грана насмешки. Это был он. Мой брат.

Зверь лёг у кровати. Не у моих ног — у его. Положил голову на лапы и закрыл глаза. Как будто пришёл домой.

Маргарита молчала. Блокнот. Наушник. Карандаши — два, как вчера. Рамки... — рамки пущены на костёр. Ритуал — прерван самым безжалостным способом. Сегодня — не допрос. Сегодня... а что сегодня?

— Продолжим, — нажала кнопку таймера она. Попросила. Меня?

Мы с братом кивнули синхронно. Майор промолчала. Губы сжались ниткой.

— С чего? — Вопрос мне, не ей.

— С людей, — Само пришло в голову. — С тех шестерых, которые были с тобой.

Звягинцева замерла, только кисть едва подрагивала под обложкой блокнота.

Брат рассказывал — неохотно, короткими фразами, как отрывает пластырь: быстро, больно, сразу.

Не шесть — десять. Наёмники, кондотьеры.

Маргарита на этом слове позволила себе фыркнуть. Осеклась, опустила взгляд, несколько резковато стала чёркать в блокноте.

Не идейные — практичные. Люди, которых несложно найти, если есть деньги и какие-никакие связи. У капитана, ходившего по всей Европе — были. Бывшие военные, наши, пара из Иностранного легиона. Пара бывших СОБРовцев, ушедших в частную охрану и тяготившихся отсутствием адреналина. Не бандиты, не отморозки — профессионалы без работы. Или с работой, от которой хотели отдохнуть.

— Тебе их было жалко? — спросил я. Прямо, без подготовки. Как будто спиннинг забросил.

Николай посмотрел на меня. Без обиды — с усталостью человека, которого спрашивают о том, о чём он уже спрашивал себя. Перевёл взгляд на Звягинцеву. Помолчал. Моргнул — медленно. Его зацепил не вопрос. Я.

— Нет.

Одно слово. Без оправданий. Без «но».

Я ждал. Хотел сравнить с тем, что понимал сам.

Или услышать желаемое?

— Платил хорошо. Очень хорошо. Предупреждал — честно, открыто, глядя в глаза: будет опасно, могут убить, могу сам зацепить. — Брат не нервничал, не прятал глаза. Не краснел. В его системе координат не за что было стыдиться. — Каждый знал, на что шёл. Взрослые люди, взрослый выбор. Честный размен.

Он говорил. А я думал: честный размен. Не манипуляция, не «ради высшей цели», не «так было нужно». Сделка. Деньги за риск. Жизнь за зарплату.

Так не работает система. Так не работаю я. Мы — врём. Говорим «служба», «долг», «защита», а на деле — используем. И стыдимся. Мудаки-интеллигенты.

А Николай — не стыдился. Потому что не врал.

Кто из нас честнее?

Мысль обожгла.

Зверь дёрнул головой, как будто отгонял назойливое насекомое.

Сравнение было острым. Я отложил мысль — куда-то туда. Чтобы потом, ночью, перед зеркалом в ванной, достать и посмотреть. Примерить.

Не успел развить вопрос. Маргарита перевела разговор.

Только вздохнула поглубже, набирая воздух.

— Расскажи, как тебя нашли второй раз?

Это было правильно. Нужно было честность прикрутить к делу, пока не остыла.

Сейчас — майор Звягинцева.

Николай рассказал. Останавливаясь на деталях, пытаюсь махнуть рукой, останавливаемый ремнями. Где-то часть, где-то замедляясь.

Вспоминая. Надеюсь, не придумывая.

Съёмный дом в пригороде. Частный сектор, тихая улица где все на виду. Три недели после корабля — денег ещё хватало, одни документы уже работали, вторые должны были сделать вот-вот.

Нервы на пределе. Паранойя не отступала. Что-то пытаться узнавать об Андрее не решался, чувствовал, что интерес может стать казённым. Просчитывал маршрут куда подальше, уйти через Дальний Восток. Просыпался от каждого звука.

Ловушки и метки расставил в первый же день — моряцкая смекалка, привычка проверять всё и вся. Валяющееся ведро посередине дорожки — если сбито с места, значит, кто-то

прошёл. Красная нитка на калитке — приклеена, незаметна, но, если слетела — кто-то открывал. В сенях — сетка рабица на полу, вроде как под заливку. Провода от неё — к трансформатору на три фазы.

— Ты серьёзно? — Я не удержался. — Рабица?

— А что? — Кривая усмешка. — Триста восемьдесят, даже если в ботинках на мокром вполне себе достанет.

На стены в сенях — оголённые провода. Второй контур. Если первый не перемкнёт — зацепит, когда будут искать опору.

— Детский сад — штаны на лямках, — не выдержала Маргарита. — Какой-то «Один дома»...

— С адаптацией под рейтинг восемнадцать плюс, — добавил я. Подумал о своём пакете с «доместосом». Скривился.

Майор прислушалась к вопросу в наушнике, кивнула сама себе.

Я ожидал вопроса, но она молчала. Продолжил сам.

— Правильно я понимаю, что какие-то секретки сработали?

— Угу. — Голос звучал ровно. — Ведро они обошли, а вот нитку... Нитку они заметили, когда она свалилась. Но прикрепили назад не так, как это делал я.

Звягинцева ловила каждое слово, микрожест, считывала мимику. Её напряжение передалось и мне.

— Они ждали в сенях?

— Да, входная дверь там очень сложная была, тоже с секретками. Зачем хозяину это было нужно — не знаю, я не спрашивал, он не говорил. — Николай помолчал, принимая решение выдать не факты, а своё состояние. — Но мне кстати пришлось, иначе бы совсем крышей поехал.

— И ты привёл свою машинку в действие?

— Да. Зашёл от соседей. Замкнул цепи. Выждал некоторое время. Сначала запах — обувь начала подгорать, сетка грелась сильно. А потом крик и звуки падения. — Он помолчал. — А там и трансформатор накрылся, защиту вырубил. Чего-то я накрутил не того в спешке.

В это я мог поверить. Это сходилось с тем, что электротехника и электромеханика ему никогда не давались, и он тщательно решал задачи, перепроверя каждое действие. Отец даже смеялся, что таких не берут в капитаны. А брат сердился, огрызался.

Маргарита записывала. Пальцы впились в карандаш. Получалось быстро, мелко. Что-то по-своему, не слова, впечатления. Голову не поднимала.

— Отключил я систему. Обошёл дом, дёрнул дверь, пистолет наготове. На полу двое. Мужчина, такой, лет тридцати. И девушка, молоденькая, но какая-то как птица хищная. — Николай смотрел в потолок. — Странно, наверное, так говорить о людях без сознания, но вот образ в память врезался.

Память. Образ.

Как у меня. Фамильное?

Нога нервно подёргивалась. Хорошо, штаны не форменные брюки — было незаметно. Я прожил этот день вместе с ним. Погружался в происходившее.

Зверь не подавал виду. И тем самым выдавал себя. Мохнатое зеркало. Смешной.

— Оба они дышали — видимо, только от проводов на стене пострадали. А упали — замкнули сетку, и защита сработала.

— А их щиты? — Майор. Провокация. На лице нечитаемый узор мимики.

— А про щиты я уже потом узнал. — Николаю не нужно было выдумывать. — Но из моего опыта, если ты даже со щитом решишь оголённый провод или раскалённую железку потрогать — то никто тебе не доктор.

Пока гладко. Слишком.

Когда-то я неплохо подавал в волейболе. Не самый сильный удар, но очень неудобный, такой не стремятся ловить любой ценой, ожидая аута.

Я дал себе секунду.

— И ты решил попробовать снова. — Удар.

Он принял. Кивнул.

— Опустился рядом с мужиком. Положил руки. — Он задержал дыхание. Отпустил. — На корабле — было случайно. Там я не контролировал. Ярость, адреналин, руки на теле, и — осознание. А здесь...

— Здесь — целенаправленно. — Удар через сетку.

— Да. — Он не прятался. — Я хотел. Мне нужны были... возможности. — В его голосе не было вызова. Только усталость. — Потому что следующие придут в большем числе. И следующие за ними. А у меня — только то, что случайно свалилось на корабле. — Он сглотнул.

— Помнишь крысу в сарае? Когда мы под полом гнездо нашли.

Я помнил. Десяток крысят. Ещё розовых, почти без шерсти. Выгребли лопатой в ведро. Крысы обычно убегают, спасаются сами, а эта кинулась на нас.

Получила лопатой, отлетела к стене. Лежала. А когда подошли — бросилась в прыжке. Мне было десять что ли... Коля успел. Сбил. Сандалии на босу ногу. Потом уже я понимал, насколько это опасно. А тогда... Тогда было жалко крысу.

Очень...

Я молчал. Слушал. Не перебивал. Надеялся, что никто не видит, чего мне это стоило.

— Вышло легко. — Он произнёс это с таким выражением, от которого меня передёрнуло. Не от содержания — от интонации. Спокойствие. Отсутствие рефлексии. — Пугающе легко. — Оценка? Желание сказать то, что мы хотим услышать? — Как будто тело уже знало, что делать. Один раз — и запомнило.

Всё же просто честность.

— Он умер?

— Нет. — Николай покачал головой. — Дышал. Глаза открыты. Но... — он пошевелил пальцами, подбирая слова, — пустые. Как у куклы. Не мёртвые — никакие.

Я увидел, как Зверь у кровати напрягся. Поднял голову. Посмотрел на Николая — не с осуждением, с непониманием. Как ребёнок, который видит, что взрослый делает что-то странное, и не может решить — правильно это или нет.

— А девушка? — спросила Маргарита. Тихо, без нажима.

— Так же. — Николай не смотрел на неё. — Повернулся. Положил руки. Она даже не сопротивлялась — была без сознания. И...

Он замолчал. Распасовка.

Я взял трость. Опёрся. Встал с некоторым напряжением. Нервный тик в ноге нужно было успокаивать.

Не нависал над Николаем, не давил, просто на ногах думалось лучше.

Он смотрел спокойно. Понимал?

— Что изменилось?

Он поднял голову.

В его глазах мелькнуло что-то, чего я не видел вчера. Не стыд — удивление. Как у человека, сидящего на диете, и съевшего большой кусок «Наполеона». Который теперь не может объяснить, почему ему одновременно стыдно и хорошо.

Мы молчали.

— Краски, — наконец признался он. — Мир стал... ярче, настоящее. — Нелепое слово, которого нет в русском языке упало на язык. Я покатал его как конфету. Вкусное. Честное. — Как будто кто-то выкрутил контрастность на максимум. Радость — искренняя, до слёз.

Страх — продирающий до костей, физический. — Николай сглотнул. — За счёт врагов я смог чувствовать. Так, как тогда... Когда ещё... — он не договорил. Было и не нужно.

Впервые за семь лет. С того момента как узнал о детях. С тех пор, как мир посерел.

— Ты отобрал у них не силу, — сказал я медленно. — Ты отобрал эмоции.

— Да, — не стал спорить брат. Без вызова, без гордости, без сожалений. Медицинский факт. — Я не понимал тогда. Думал — сила, магия, энергия, способности. А оказалось — чувства, эмоции. Их способность ощущать мир. Всё, что делает человека человеком, а не...

— Не роботом, — закончил я.

Тишина.

— Не роботом, — согласился он. Еле слышно.

Зверь спрятал морду в лапы. Опустил уши. Не прижал в агрессии — стыдился.

— Расскажи про аффинажный завод, — попросил я.

Он рассказал. К тому времени — команда, осталось шесть бойцов, двое погибших, двое ушедших. Один бой с Андреевскими — пришлось туговато, но взятые из очередной пары магов эмоции радикально усилили возможности. Два столкновения с кукловодами за спиной. Нахапанных сил хватало, чтобы выжигать нулей до их выхода на дистанцию, когда они становятся опасными... Деньги от чиновников с левым бизнесом — точно, аккуратно, без лишнего шума. Депутаты областного уровня, у которых охраны нет, а страха — достаточно. Но взять сразу столько, чтобы резко выйти из игры — не получалось.

А находить таких вот «товарищей» становилось всё трудней.

— Боялся, что рыжие кудри примелькаются? — Цитата от Маргариты была неожиданной.

Николай помолчал, кивнул. Покрутил кистью — как-то так, да...

Информация пришла от одного из тех информаторов, которым он отстёгивал десятину со взятого у коррупционеров. Двадцать с лишним килограмм золота на аффинажном заводе, охраны минимум, лом принадлежит лоху, отец которого в своё время натащил с военного завода при утилизации старых радиоламп, но вывезли и легализовать не смог.

— Повёлся как пацан, — он поморщился. — С деньгами становилось трудно, два последних налёта не окупились, уже полез в запасы. Нужно было финальный аккорд и менять позицию, пока охота не началась со всех сторон. А фон-дер-пшик — универсальная валюта.

Звягинцева оторвалась от блокнота.

— Фон... дер-пшик?..

Я рассмеялся.

— Он же крутяк, он же волхолово.

Она всё ещё непонимающе переводила взгляд с меня на Николая. Тот решил не томить.

— Рассказ был у Шекли. Название уже не помню. — Маргарита выдохнула, но поглядывала с подозрением. — Это всё эпитеты золота. Там по кругу люди и демоны друг друга в пентаграммы вызывали, требуя искомое.

— Понятно. Закончили с лирикой? Давайте дальше.

Николай продолжил.

Наблюдал. Золото — настоящее, привезли реально.

Дождлся прибытия получателей. Вошёл. Вохры было мало, оглушить — труда не составило. Но внутри ждали — засада. Двое магов, группа поддержки. Перекрёстный огонь в комнате со сходящимися коридорами. Благо, какая-то пакость душу жгла, параноил.

— Как ты такой калибр-то удержал?

— Да я, когда научился щит ставить, тогда же и тренировался с нашими его растягивать и усиливать. В общем, ничего сложного, хотя ощущения неприятные, когда в него долбят... — Николай прервался. Наклонил голову. — Подожди! А вы что, не умеете?

— Это потом будем обсуждать. Если понадобится. — Маргарита чуть поморщилась, скривившись на ту сторону, где был наушник.

Брат примиряюще задрал кисти. Мол, не вопрос. Но в глазах что-то мелькнуло.

— В общем, своих я защитил, Андреевых уже не жалел, чай не подневольные.

— А маги?

Он хмыкнул. Скривил губы.

— Знаешь же. Забрал трофейное.

Майор смотрела на реакцию, дождалась, пока утихнет. Наклонилась к блокноту.

— Слитки забрали. За нами никто не следил, охрана поняла, что смысла нет. А вот продать... — он хмыкнул. — В общем, эти падлы принимали в расчёт, что могут и не остановить меня. И отмаркировали рыжѐ так, что никто за вменяемые деньги его перекупать не хотел. А чёрный-пречёрный рынок золота — это не моя специализация. Совсем не моя. Так и валяется на заимке.

Маргарита с интересом рассматривала ногти на левой руке. Ей тоже было очевидно, что если Николай не врѐт, то очень... очень сильно врѐт Андрей.

— Дашь координаты для проверки?

— Да. Всё равно ничѐ теперь... — Он вскинулся. — Вы же не собираетесь его отдавать?.. — брат не назвал имени, но оно всё равно прозвучало в жесте, в молчании, в напряжении.

Короткое «нет» от Маргариты успокоило его.

— Как ты на нас и на детей вышел?

— Не сказать, чтобы случайно. Следил за этими марионеточниками, — неуклюжее слово подсветило ещё одну сторону кукловодов, — хотел понять, система или одиночки. Я их нычку срисовал ещё на первой стычке.

— Подробнее! — Звягинцева подобралась как рысь перед прыжком.

Зверь отзеркалил её реакции. Неожиданно.

— В общем я тогда в Иваново за одним депутатом приглядывал...

— Когда?!

— Недель пять-шесть назад. У меня ещё толком команды не было. — Я посчитал, прикинул скорость формирования «команды». А брат-то талантливый организатор... Или просто платить надо людям? — И обратил внимание, что не только я на него глаз положил. Причѐм один — вот нормальный, а ещё пятёрка с ним. Как охрана, только такого непонятного вида. Как ДЦПшники по движению.

Маргарита сидела, замерев. Слушала. В оба уха.

— Решил проследить за этими пассажирами. И чувствую, хреново мне становится рядом с ними, как будто ватный весь, как будто мышцы — тряпки, а сердце — не пламенный мотор, а клизма с ручным приводом.

Образность заставила меня улыбнуться.

— Ну и пришлось держать дистанцию. А этот, который главный, идѐт, по телефону орѐт как оглашенный, на каком-то из азиатских языков, хотя по виду не похож. Зашѐл в банк, долго там пробыл, вышел, двинул к парковке, там в газельку погрузился и поехали. Пришлось мотор ловить и следить за ними издалека.

— И он тебя не срисовал?

— Нет. Непуганый какой-то. Они в чайхану приехали, там разгрузились, он внутрь пошѐл. Мы пост разместили последить за этим местом. А там таких штук пять, наверное, и у каждого своя свора.

— Адрес! — Жѐстко потребовала Звягинцева.

Адрес и название ушли «наверх».

— В общем, решил одного взять. Дождался, пока отъедет, а они постоянно куда-то за город мотались. По таким вот, дорогам местного значения ездили туда-сюда.

— Инициатов искали?

— Угу. Но это уже потом узнал. На втором таком. А с первым — чуть не откинулся там. Обогнали, завели машину в посадку. Сделали засаду. Я газельку вырубил. Они как посыпят...

Николай начал частить.

— Мужики мои в главного лупят, а там щит. Он его удерживал, боялся открыться, но всё внимание на себе держал. А эта его свора — дёрганые, но быстрые. И тоже пуля тормозит, но не пробивает. А молнии мои — дёргает, но и всё.

Николай отвёл глаза.

— В общем, пересрал я страшно. — Маргарита совершенно не по-офицерски закрыла глаза ладонью. Испана-анский стыд. — Ну и выдал тогда всё, что могу и даже больше. Магу щит раздолбал, и его добила. А эти, которые пуленепробиваемые, подрастерялись, что ли.

Он перевёл дыхание.

— В общем, я издалека глушил на несколько секунд, а ребята в голову достреливали. Пришлось тогда оклад удвоить. Хорошо, в машине бабла подняли.

— Поручик, что за базар? — Мне было непонятно, откуда такой жаргон. Сколько я его помнил, речь у брата всегда была очень чистой.

Николай пропустил вопрос мимо ушей.

— Второго уже брали чище, было понятно, как работать. Допрашивал его, он рассказал вчерне, за кем охотятся, на что живут, агитировал присоединиться. — Он коротко хмыкнул. Я, конечно, та ещё сволочь, но...

Маргарита сморщила нос коротким резким движением.

— А когда... когда я потянулся как с теми магами... — Слова снова терялись. — В общем, как будто из горшка отпил. Грязь, муть. Как будто кто-то в душу нагадил и заткнул пробкой.

Он заметил мой интерес к последним словам. Пристально посмотрел. Увидел, как я пытаюсь сделать каменное лицо.

Хмыкнул.

— В общем, денег и у второго было весьма немало, карточки без имени, записная книжка с пин-кодами. Миллионов пять или шесть с этого налёта взяли.

— Потом видел, как новые приезжают, как старые исчезают и не возвращаются. — Николай кивал в такт своим словам. — Но мы не пытались каждого взять, чтобы не вызывать подозрения. Потом те двое, что были в посёлке, погрузились и поехали... Тут решили рискнуть, явно было что-то серьёзное в прицеле. Ну и, когда в посёлок въехали, я чуть подотстал, потому что перед этим вашу вертушку срисовал, понял, что можно подождать пока вы между собой. Потом бой, вы, они. Я со своей стороны подобрал немного. Из бусиков деньги перетасили.

Маргарита подняла голову от блокнота. Посмотрела на меня — коротко, проверяя. Получила от меня едва заметный кивок: да, сходится. С тем, что мы знаем — сходится.

— А потом я решил, что вы — это они. — Брат неопределённо мотнул головой куда-то в пространство.

Замолчал. Мы молчали в ответ.

Развитие уже знали.

Маргарита прервала молчание первой.

— Николай Николаевич, — начала она тем тоном, который я уже научился узнавать. Вопрос не от неё — из наушника. — Вы говорили о двух магах, у которых изъяли... эмоциональную составляющую. Они остались живы?

— Дышали, когда я уходил.

— А каково это — чужими судьбами манипулировать? — Она чуть наклонила голову. — Нигде комплекс бога не жмёт?

Тон — профессиональный, ровный, выверенный. Вопрос — как движение скальпеля. То самое, после которого либо вскрывается нарыв, либо пациент кусается.

Николай вскинулся. Не физически — глазами. Они полыхнули — не магией, обидой, злостью. Живой, настоящей, выкрученной до максимума той самой украденной контрастностью.

— Комплекс бога? — переспросил он. Тихо. Слишком тихо. — У меня? — Вкрадчивый тон не оставлял сомнений — сейчас рванёт.

Тишина. Та, что громче крика.

— Я, значит, манипулирую. Хорошо. — Голос набирал обороты — не громкость, плотность. Каждое слово — как заклёпка. — А вы?

Маргарита не шевельнулась. Профессионал. Но я видел — она не ожидала атаки.

— Исусики, — сплюнул слово Николай. — Чистенькие. Правильные. С блокнотиками, с наушниками, в солдатиков играют. — Он дёрнул кистью — ремни натянулись. — Детей как наживку кинули. Я видел их, Лёш. Пацаны. Сколько им? Десять? Двенадцать. — Я вздрогнул. Майор держалась. — Ты знал, что сигнал привлечёт охотников. Знал — и привёз туда свою девчонку.

У меня пересохло во рту. В изоляторе нечем было дышать.

Зверь беспокойно ходил вокруг койки и стульев. Не останавливался. Не поднимал головы.

— Ты привёз её. Не знаю, кто отдал приказ, но привёз — ты! И выставил. Как свечку в витрину. — Его голос дрожал, но не от слабости — от ярости. — Думаешь, я не видел? Из-за щита, с той стороны, всё было очень чётко. Чересчур. Как она стояла на крыльце. Как кричала. Как вы через неё заземлили поток. Вы вообще соображали, сколько вы на неё повесили?

Зверь поднял голову. Уши — вперёд, глаза — на Николая. Не рычал. Слушал.

— Она выгорала свечкой. — Николай почти шептал. — Вашей свечкой. Девчонка, студентка, серая кожа, кровь из ушей. А вы — такие хорошие — сидите тут и спрашиваете меня про комплекс бога?

Если бы я был один, я бы его ударил.

Нет. Развязал и ударил.

Но я был не один.

Молчал.

Заполнял тишину собой. Рядом со мной то же делала бледная Маргарита.

У неё, казалось, высказанная правда отбелила даже радужку глаз.

Слова обнажили нервы. Всем.

Зверь... Зверь стоял. Замер. Не шевелился. Ни ухом, ни глазами. Как будто залитый эпоксидкой.

Маргарита закрыла блокнот. Медленно переворачивая обложку. Без звука.

Я смотрел на брата.

Он смотрел на меня.

И в его глазах — за яростью, за обидой, за семью годами одиночества — я видел то, чего не мог вынести. Не обвинение, нет.

Правоту.

Он был прав.

Не во всём. Не в деталях. Но в целом — прав. Я использовал Марину. Знал, на что иду. Она — нет. Я рассчитывал на инициацию. Она — искала шанс вернуться в семью. И мы оба получили желаемое. Ценой, которую заплатила она — не я.

— Перерыв, — сказала Маргарита. Голос — ровный. Руки — нет.

Я взял трость. Поднялся.

Николай откинулся на подушку. Закрыв глаза. Усмешка — кривая, горькая. Не победная. Победа здесь не пахла ничем хорошим.

— Завтра, — сказал я от двери.

Он не открыл глаз.

— Куда я денусь.

Мы вышли.

Маргарита остановилась в коридоре. Прислонилась к стене. Закрывает глаза — на секунду. Открыла.

— Он нас переиграл, — она не была там, она не видела, как сгорает девчонка восемнадцати лет, чья вина... а не было вины...

— Нет. Он сказал правду. Это не одно и то же.

Она посмотрела на меня. Долго. Потом кивнула — медленно, как кивают, когда соглашаются с тем, с чем не хотят соглашаться.

Мы шли по коридору молча. Стук трости. Стук каблуков. Два ритма, которые не совпали.

Звягинцева ушла, не прощаясь. Мне же нужно было раздышаться.

Глава 5

Глава 5. Ноябрь 2017. Нижегородская область.

Я вышел на улицу. Поднявшийся ветер стылмым воздухом вымораживал тело, выдувал лишнее, по его мнению, тепло. Не дожидаясь, пока совсем продрогну, вернулся к себе. Взял куртку, оделся, надел шапку, посмотрел на себя в зеркало.

Хмыкнул вместе со Зверем.

Пошёл кружить по дорожкам базы. Приводить мысли в порядок.

Ноги сами вынесли к тому лугу, который когда-то косил. Сейчас он всё ещё выглядел аккуратным, но шагни на него — ноги утонут в грязи, скрывающейся под жухлой травой.

Я смотрел на него. Молчал.

Отличное место и повод, чтобы закурить. Не ради никотина, а погреть руки в огоньке спички, спрятанном в ладонях, пыхнуть дымом в небо.

В душу вернулись птахой чужие строчки:

«В одну кучу все проблемы, все находки, все потери,
Чиркнуть спичкой, надышаться горьким дымом и уйти.»

Хмыкнул и продекламировал сам себе, чтобы просто услышать свой голос.

«Всё, что было не по нам, не по душе и не по теме,

Не по росту, не по сердцу и совсем не по пути.

Подошёл Михалыч. Тюкнул тростью по камню, чтобы обозначить присутствие. Показать, кто здесь. Встал рядом. Молчал вместе со мной. Я был ему благодарен.

Наверное, если бы сказал хоть слово — я бы поддержал беседу, но было бы хуже.

Но он не разорвал тишину.

Спасибо.

К Сергею Степановичу я попал не к началу.

Дверь была приоткрыта — я услышал голос ещё из коридора. Не узнал сходу. Ровный, профессиональный, с паузами для записи. Доклад. Не беседа.

Вошёл тихонько. Поздоровался одними глазами. Сел у стены, не за стол, чтобы не отвлекать.

Во главе, как обычно, — Сергей Степанович, с неизменным карандашом. На этот раз — маска внимательного отца. Напротив — двое. Снег — старший лейтенант Николай Снегирёв, командир боевой группы, широкоплечий, коротко стриженный, с лицом человека, которому можно доверить спину. Аккуратно держит руку, практически баюкает, как после вывиха. Рядом — Кирилл. Наш воздушник, один из старших по возрасту магов. Бывший промальпинист с воздушной специализацией. Умный, ответственный. Бледный, осунувшийся, но собранный. Доложил — и сейчас ждёт вопросов.

«Прибежали в избу дети,

Из сеней зовут отца...» — ехидно откомментировало подсознание. Зверь в ответ покоился на меня с осуждающим взглядом.

Услышал я уже хвосты:

— ...в результате инициат был утрачен. Противник отошёл с двумя кукловодами и остатками нулей. Городская застройка исключала применение огнестрельного оружия без однозначно идентифицируемых целей. — Кирилл говорил, как пишут рапорты — сухо, точно, без лишнего. — Потери: пятеро раненых, физические травмы, магические ожоги частично погашены бронёй, один человек в коме после электротравмы. Медицинская помощь оказана на месте и Анастасией Николаевной по прибытии.

Полковник ставил пометки в блокноте — сам рапорт будет написал Кириллом и Снегом, он прочтёт. Сейчас нужны впечатления, эмоции, мысли по горячим следам. Живой разговор.

Остановился, поднял голову с вопросительной миной на лице.

— Причина задержки?

— Местные держали коридор для губернатора, который был на облёте агрокомплексов. Диспетчеры на требования не реагировали. — Кирилл был эмоционален, даже слишком. Лицо налилось кровью. Очевидно, он ещё долго будет вспоминать перебранку с диспетчерами. — Только вмешательство оперативного дежурного позволила сесть в течение пяти минут по прибытии бонзы.

— Принял, учтём. Но нужно было сразу сюда сигнал подавать. У нас есть инструменты...

— Сергей был спокоен, но микропауза перед «инструменты» дала понять, что объекту применения они не понравятся.

— Так точно, товарищ полковник. — Кирилл тоже считал её, и чуть улыбнулся, сжав губы, чтобы не было явно.

— Кто принял решение о вступлении в огневой контакт?

Пауза. Короткая, но — пауза.

— Капитан Ершова нарушила субординацию. Инициировала огневой контакт.

Сергей смотрел внимательно на Кирилла, одними глазами говоря: «Продолжай».

Маг молчал. Как будто не понимал приглашения.

Полковник вздохнул.

— Конкретизируйте, — уже не просьба, а приказ.

Кирилл бросил взгляд на Снега. Тот едва заметно кивнул — давай. Они не скрывались, но явно было что-то большее, чем просто «души прекрасные порывы».

— На подходе мы распределяли места, точки контакта... Но из целевой квартиры донёсся крик. В окне мелькнули тени, заморгал свет. Татьяна... капитан Ершова ворвалась в подъезд первой. Она сожгла петли на двери, буквально испарив их. В окне было видно, как она впечаталась в мага, который вспыхнул свечкой и выгорел в секунды... — Кирилл говорил ровно, но я слышал трещину в голосе. Не осуждение — сожаление. — Эффективно, но... слишком преждевременно.

— Противник научился или умел всегда тормозить подавляющее поле нулей. И, когда мага не стало, Татьяну зажало. А мы даже сразу не нашли их. По сути нас ждали. Или не нас, а конкурентов.

Зверь напряжённо наблюдал за говорившим, вместе со мной ловил каждое слово.

— Капитан попыталась вытащить подростка-инициата, но подавление было тотальным. Затем противник разрядом погасил все лампы в доме, и мы работали уже по маячкам и с ночным видением. Точнее, работали ребята старлея, а я на улице поймал щитом две стрелы и молнию, не давая воздушными ударами выпрыгнуть из окон или выйти из подъезда.

— То есть приоритет нулям был — инициат?

— Да, нас они ждали скорее стряхнуть с хвоста, дать по носу и отбить охоту к преследованию.

— Разумно. Не лишено смысла. — Очередная пометка в блокноте. — Что-то ещё?

— Да, это несколько постфактум, но в соседских квартирах и этажом выше жильцов не убили. Вырубили, чтобы не мешали, и прятались в засаде.

Я слушал и собирал картину. Кусок за куском. Таня ворвалась первой. Нарушив приказ. Сама. Сожгла кукловода — её стихия, её приём, огонь через контакт. Красиво, смертельно, эффектно, эффективно. И — преждевременно, влетев в расставленную на таких валькирий ловушку.

Потому что её огонь иначе не мог. Слишком прямой. Слишком горячий.

Вчера Яков выставил её из мастерской. Вчера она была не понятна. Вчера она ушла со слезами — отвергнутая, уверенная в своей правоте. Несломленная.

И полетела — доказывать. Не только мне — всем. Себе... на беду...

— Дальнейшие события? — Голос полковника вернул меня в кабинет.

Кирилл молчал. Николай — тоже.

— Татьяну... капитана Ершову спас экзоскют. В броне она умудрилась сжаться в комок и пустые с ней ничего особо не сделали. — Снегирёв аккуратно подбирал слова. Не из-за вранья, просто умел сражаться, не умел говорить. — Ребятам повезло меньше, но смогли перебить ту семёрку, которая её давила.

— А инициат, маги, остальные нули? — не выдержал я.

Они обернулись, Кирилл с сожалением произнёс:

— Ушли через балкон на ту сторону дома. К сожалению, мы не успели перекрыть все подходы, а дом слишком длинный, чтобы оббежать его.

Полковник положил карандаш на стол. Подкатил его к нижнему обрезу блокнота.

— И?

— Майор Ершова... предприняла попытку перехвата. — Каждое слово давалось Кириллу с усилием. — выпрыгнула через балкон, когда стало понятно. Увидела силуэты на фоне фонарей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.